

КЕЙТ ЭЛИЗАБЕТ РАССЕЛЛ

Моя
Темная
Ванесса

Иногда будет очень больно, но остановиться вы не сможете.

Стивен Кинг

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

18+

Кейт Расселл

Моя темная Ванесса

Издательство «Синдбад»

2018

Расселл К. Э.

Моя темная Ванесса / К. Э. Расселл — Издательство «Синдбад»,
2018

ISBN 978-5-00131-310-6

Ванессе было пятнадцать, когда у нее случился роман с сорокадвухлетним учителем литературы мистером Стрейном. Сейчас ей тридцать два и их связывают теплые дружеские отношения. Когда одна из бывших учениц обвиняет Стрейна в домогательствах и призывает открыться всех, кто знал преподавателя с этой стороны, Ванесса оказывается перед мучительным выбором: молчать, отказываясь считать себя жертвой и продолжая верить в добровольность и чистоту тех отношений, или переосмыслить события прошлого и столкнуться с безжалостной правдой. Но если не любовь, то что же это было? Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

ISBN 978-5-00131-310-6

© Расселл К. Э., 2018

© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

2017	8
2000	14
2017	35
2000	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кейт Элизабет Расселл

Моя темная Ванесса

Kate Elizabeth Russell
MY DARK VANESSA

Copyright © 2018 by Kate Elizabeth Russell

Published in the Russian language by arrangement with *ICM Partners* and *Curtis Brown Group Limited*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Любови Карцивадзе

Иллюстрация на обложке: © Wojciech Zwolinski / Arcangel images

Переводчик *Любовь Карцивадзе*

Редактор *Екатерина Чевкина*

Корректоры: *Ирина Чернышова, Ольга Левина*

Компьютерная верстка: *Ирина Буслаева*

Главный редактор *Александр Андриющенко*

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2020.

Кейт Элизабет Расселл

Моя
темная
Ванесса

Перевод с английского Любови Карцивадзе

Я выросла и получила образование в штате Мэн: сначала училась там в девятом и десятом классах частной школы (без пансиона), откуда ушла по личным причинам, а потом в колледже. Знаю, что из-за поверхностного сходства этих фактов с некоторыми вымышленными моментами «Моей темной Ванессы» читатели, немного знакомые с моей биографией, могут сделать поспешный вывод, будто я рассказываю тайную историю собственной жизни. Это не так. Перед вами художественный вымысел, и его персонажи и сюжет – целиком и полностью плод моей фантазии.

Всякому, кто следил за новостями в последние несколько лет, знакомы истории, схожие с сюжетом моего романа, который я переплела в своем воображении. Кроме того, я вплела в повествование и другие элементы, такие как теория переломной травмы, поп-культура и постфеминизм начала двухтысячных, а также мое собственное противоречивое отношение к «Лолите». Все это – нормальный творческий процесс. Рискаю переусердствовать с предостережениями, повторяю: ничто в этом романе не задумывалось как пересказ реальных событий. За исключением выше-перечисленных обыденных аналогий, эта история – не обо мне, не о моих учителях и не о моих знакомых.

Посвящается настоящим долорес гейз и ванессам уай, чьи истории еще не услышали, не приняли на веру и не поняли

2017

Я СОБИРАЮСЬ НА РАБОТУ. Пост провисел уже восемь часов. Завивая волосы, я обновляю страницу. Уже 224 репоста и 875 лайков. Надеваю черный шерстяной костюм; снова обновляю. Достая из-под дивана черные балетки; обновляю. Пристегиваю к лацкану жакета позолоченный бейдж; обновляю. С каждым разом числа растут, а комментарии становятся все больше.

«Ты такая сильная».

«Ты такая храбрая».

«Только конченный урод может так поступить с ребенком!»

Я открываю последнее сообщение, которое отправила Стрейну четыре часа назад: «Ну ты в порядке или?..» Он не прочел его, не ответил. Я печатаю еще одно: «Если захочешь поговорить, я здесь». Потом, передумав, стираю и отправляю выразительную строчку вопросительных знаков. Выждав несколько минут, я набираю его номер, но попадаю на автоответчик. Так что я засовываю мобильник в карман, выхожу из квартиры и захлопываю за собой дверь. Не обязательно лезть из кожи вон. Он заварил эту кашу. Это его проблема, не моя.

На работе я сижу за стойкой консьержа в углу гостиничного лобби и даю постояльцам рекомендации, куда сходить и какие блюда попробовать. Высокий сезон подходит к концу, немногочисленные туристы еще иногда приезжают, чтобы полюбоваться на листву, но вскоре Мэн закроется на зиму. С неизменной натянутой улыбкой я бронирую столик в ресторане для пары, отмечающей первую годовщину свадьбы, и отдаю распоряжение, чтобы по возвращении в номере их поджидала бутылка шампанского, – красивый жест, который обеспечит мне щедрые чаевые. Я заказываю машину, чтобы семью наших клиентов отвезли в аэропорт. Мужчина, который каждый второй понедельник бывает в городе по рабочим делам и останавливается у нас в отеле, приносит мне три грязные рубашки и спрашивает, нельзя ли вернуть их из химчистки к утру.

– Я устрою, – говорю я.

Мужчина ухмыляется, подмигивает:

– Ванесса, ты лучше всех.

В перерыве я сижу в пустой кабинке в подсобке, пялюсь в телефон и ем вчерашний сэндвич, оставшийся после какого-то мероприятия. Как одержимая, я снова и снова проверяю пост в Фейсбуке. Мои пальцы движутся сами по себе, глаза скользят по экрану и обнаруживают все больше лайков и репостов, десятки комментов: «ты такая бесстрашная», «заставь мир услышать твою историю», «я тебе верю». Прямо пока я читаю, всплывает многоточие – кто-то печатает комментарий в эту самую секунду. Как по волшебству, появляются новые слова поддержки и ободрения, и я швыряю телефон через стол и выбрасываю остатки зачерствевшего сэндвича в мусорную корзину.

Я уже собираюсь вернуться в лобби, когда телефон начинает вибрировать. Входящий звонок – Джейкоб Стрейн. Отвечая, я издаю смешок от облегчения, что он жив, что он звонит.

– Как ты?

На миг повисает мертвая тишина, и я замираю, остановив взгляд на окне, выходящем на Монумент-сквер, осеннюю фермерскую ярмарку и кафе на колесах. Стоит начало октября, осень в разгаре, и все в Портленде выглядит, словно глянецовый каталог: круглые тыквы и горлянки, бутылки с яблочным сидром. Женщина в клетчатой фланелевой рубашке и резиновых сапогах идет через площадь, улыбаясь младенцу в слинге у себя на груди.

– Стрейн?

Он тяжело вздыхает:

– Полагаю, ты видела.

– Да, – говорю я. – Я видела.

Я не задаю вопросов, но он все равно пускается в объяснения. Говорит, школа начинает внутреннее расследование и он готовится к худшему. Его, скорее всего, вынудят уволиться. Он сомневается, что протянет до конца учебного года, а может, уйдет еще до рождественских каникул. Звук его голоса вызывает у меня столь сильное потрясение, что я едва понимаю, о чем он. В последний раз мы говорили много месяцев назад: когда мой папа умер от сердечного приступа, меня охватила паника и я сказала Стрейну, что больше так не могу. Внезапный припадок добродетельности, которые у меня регулярно случаются после очередного косяка – потери работы, расставания с парнем или нервного срыва, – как будто, став пайнкой, можно задним числом исправить все, что я разрушила.

– Но они уже проводили расследование, когда она была твоей ученицей, – говорю я.

– А теперь проведут еще раз. Всех опрашивают заново.

– Если в прошлый раз они решили, что ты ни в чем не виноват, с чего бы они передумали сейчас?

– Ты что, новости не смотришь? Времена меняются.

Мне хочется сказать, что он принимает ситуацию слишком близко к сердцу, что все будет в порядке, раз он невиновен, но я знаю, что он прав. В последний месяц атмосфера стремительно накалялась: одна за другой женщины начали обвинять мужчин в приставаниях и сексуальных домогательствах. До сих пор под удар попадали главным образом знаменитости: музыканты, политики, кинозвезды, – но разоблачения не избежали и некоторые менее известные мужчины. Вне зависимости от социального положения, обвиняемые реагируют одинаково. Сначала они все отрицают. Затем, когда становится ясно, что обвинения не утихнут сами собой, они с позором увольняются с работы и делают публичное заявление, в котором в расплывчатых выражениях извиняются, при этом не признавая своей вины напрямую. И наконец, последний шаг: они затихают и исчезают из виду. Просто невероятно день за днем наблюдать, с какой легкостью эти мужчины повергаются в прах.

– Все должно обойтись, – говорю я. – Все, что она написала, – ложь.

Стрейн на другом конце провода со свистом втягивает в себя воздух.

– Не уверен, что она лжет. Это вопрос формулировок.

– Да ты ведь к ней едва притронулся. А она пишет, что ты ее физически домогался.

– Домогался, – презрительно хмыкает он. – Домогательством можно назвать что угодно.

Так же, как рукоприкладство может означать, что ты схватил человека за запястье или толкнул его плечом. Это бессмысленный юридический термин.

Я смотрю в окно на толчею на фермерской ярмарке, на стаи чаек. Продавщица еды снимает крышку с металлической кастрюли, выпуская облако пара, и достает два тамале.

– Знаешь, на прошлой неделе она мне написала.

Секундное молчание.

– Вот как?

– Спрашивала, не хочу ли я тоже выступить публично. Наверное, решила, что все будет выглядеть правдоподобнее, если она и меня впутает.

Стрейн молчит.

– Я не ответила. Естественно.

– Ну да, – говорит он. – Разумеется.

– Я думала, она блефует. Не ожидала, что у нее хватит духу. – Я наклоняюсь, прижимаюсь лбом к оконному стеклу. – Все обойдется. Ты же знаешь, я на твоей стороне.

И при этих словах он выдыхает. Так и вижу улыбку облегчения на его лице, морщинки в уголках глаз.

– Этих-то слов мне и не хватало, – говорит он.

Вернувшись за стойку, я захожу на Фейсбук, ввожу в строку поиска «Тейлор Берч», и на экране появляется ее страница. Я проматываю немногочисленные открытые публикации, в которые тщательно вчитывалась годами, фотографии и статусы, и возвращаюсь к верхнему посту – о Стрейне. Числа продолжают расти – уже 438 репостов, 1800 плюс новые комментарии, все как под копирку.

«Ты вдохновляешь».

«Восхищаюсь твоей силой».

«Не позволяй заткнуть себе рот, Тейлор».

Когда мы со Стрейном познакомились, мне было пятнадцать, а ему сорок два – почти идеальная тридцатилетняя разница. Такой она мне тогда казалась – идеальной. Мне нравилась ее гармоничность: он был втрое старше меня, и так легко было представить, как я трижды помещаюсь у него внутри: одна я свернулась вокруг его мозга, другая – вокруг сердца, третья – превратилась в жидкость и бежит по его венам.

По его словам, в Броувике романы между учителями и ученицами были не редкостью, но с ним такого не случалось: до меня у него никогда не возникало подобного желания. Я была первой школьницей, которая вызвала у него подобные мысли. Было во мне что-то особенное – ради меня стоило рискнуть. Я обладала особым притягательным очарованием.

Моя молодость для него не имела значения. Главным образом ему нравился мой внутренний мир. Он говорил, что у меня эмоциональный интеллект гения, что я пишу, как вундеркинд, что он может со мной разговаривать, может мне довериться. Что во мне таится мрачный романтизм – такой же, как и в нем самом. До меня никто не понимал темные закоулки его души.

«Такой уж я невезучий, – сказал он однажды. – Нашел наконец-то родственную душу, а ей пятнадцать лет».

«Раз уж ты заговорил об удаче, – парировала я, – поставь себя на мое место: тебе пятнадцать, а твоя родственная душа – какой-то старикан».

После моих слов он взглянул мне в лицо, чтобы убедиться, что я пошутила. Ну конечно, это была шутка. На своих прыщавых, усыпанных перхотью ровесников я и смотреть не хотела. Они бывали такими жестокими! Смотрели на девочек, как на конструктор, оценивали части наших тел по десятибалльной шкале. Я была создана для другого. Мне нравилась взрослая осмотрительность Стрейна, его неторопливые ухаживания. Он сравнивал мои волосы с кленовой листвой, давал мне почитать стихи – Эмили, Эдну, Сильвию. Благодаря стараниям Стрейна я увидела себя его глазами – увидела девушку, способную «восстать из праха с рыжею копной волос и пожрать его, как воздух». Он так сильно любил меня, что иногда, когда я выходила из кабинета, садился на мое место и клал голову на парту, пытаясь вдохнуть оставшийся после меня запах. И все это еще до нашего первого поцелуя. Он обращался со мной бережно. И так старался поступать правильно.

Легко назвать точный момент, когда все началось: я вошла в его озаренный солнцем класс и впервые почувствовала, как он впивается в меня глазами. Куда сложнее определить, когда все закончилось – если, конечно, все действительно закончилось. По-моему, все прекратилось, когда мне было двадцать два и он сказал, что ему нужно взять себя в руки и он не может жить нормально, пока я рядом. Однако в последние десять лет мы продолжали созваниваться среди ночи, заново проживать прошлое и посыпать солью рану, которой не позволяли зарубцеваться.

Думаю, именно ко мне он обратится за поддержкой лет через десять-пятнадцать, когда его здоровье начнет сдавать. Кажется, это самое правдоподобное окончание нашей истории любви: я, преданная как собака, бросаю все и спешу услужить, а он берет, берет и берет.

Выйдя с работы в одиннадцать, я иду по безлюдным центральным улицам. Каждый квартал, который я прохожу, не взглянув на пост Тейлор, я считаю личной победой. Дома я все еще не смотрю на телефон. Я вешаю в шкаф рабочий костюм, умываюсь, выкуриваю косяк в постели и выключаю свет. Самоконтроль.

Но в темноте от прикосновения простыней к ногам что-то начинает глотать меня изнутри. Меня вдруг переполняет голод – мне нужно, чтобы меня обнадежили, чтобы он прямо сказал, что, конечно же, не делал того, о чем говорит эта девушка. Мне нужно, чтобы он повторил, что она лжет, что она была лгуньей десять лет назад и так ею и осталась, что ее просто заморозил статус жертвы.

Он берет трубку после первого же гудка, словно ждал моего звонка.

– Ванесса.

– Прости. Знаю, что поздно. – И я замолкаю, не зная, как попросить о том, чего я хочу. Мы так давно этого не делали. Мой взгляд блуждает по темной спальне, выхватывает из темноты очертания открытой дверцы шкафа, тень уличного фонаря на потолке. В кухне гудит холодильник, капает вода из крана. Стрейн у меня в долгу. За мое молчание, за мою преданность.

– Я быстро, – говорю я. – Всего несколько минут.

Шелестят простыни: он садится в постели, перекладывает телефон от одного уха к другому, и на секунду мне кажется, что он скажет нет. Но потом, полупшепотом, который превращает мои кости в молоко, он начинает рассказывать мне, какой я была когда-то:

– Ванесса, ты была молода и лучилась красотой. Ты была юной, чувственной и такой живой, что я боялся тебя как чумы.

Я переворачиваюсь на живот и кладу между ног подушку. Я прошу его воссоздать какое-нибудь воспоминание, момент, в котором найдется место для меня. Он молчит, перебирая в памяти эпизоды из нашей жизни.

– В кабинете за аудиторией, – говорит он. – Стояла середина зимы. Ты лежала на диване, твою кожу покрывали мурашки.

Я закрываю глаза и переносусь в тот кабинет. Белые стены и блестящий паркет, стол со стопкой еще не проверенных контрольных, колючий диван, шипящий радиатор и одно-единственное окно – восьмиугольное, со стеклом цвета морской волны. Пока он ласкал меня, я не сводила взгляда с этого окна и будто оказывалась под водой. Мое тело становилось невесомым, его покачивало течением, и мне было безразлично, где дно, а где поверхность.

– Я целовал тебя, там внизу. Ты кипела в моих руках. – Он тихонько усмехнулся. – Так ты это называла. «Заставь меня вскипеть». Какие забавные выражения ты придумывала. Ты была такой стеснительной. Ненавидела все это обсуждать, хотела, чтобы я просто взялся за дело. Помнишь?

Нет, не совсем. Многие мои воспоминания о том времени смутные, обрывочные. Мне нужно, чтобы он заполнил пробелы, хотя иногда девушка, которую он описывает, кажется совершенно незнакомой.

– Тебе сложно было сдерживать стоны, – говорит он. – Ты закусывала губу, чтобы не закричать. Помню, однажды прикусила губу до крови, но не позволила мне остановиться.

Я прижимаюсь лицом к матрасу, трусь о подушку, в то время как его слова наводняют мой мозг, переносят меня из моей постели в прошлое, где мне пятнадцать лет и я лежу раскинувшись на диване в его кабинете, обнаженная ниже талии, где я дрожу, горю, а он стоит на коленях у меня между ног, не сводя глаз с моего лица.

«Боже, Ванесса, твоя губа, – говорит он. – У тебя кровь».

Я качаю головой, вцепляюсь пальцами в подушки. Все нормально, продолжай. Просто покончи с этим.

– Ты была такой ненасытной, – говорит Стрейн. – А каким упругим было твое тело.

Кончая, я тяжело дышу через нос, а он спрашивает, помню ли я, что чувствовала. Да, да, да. Помню. Чувства всегда были моим якорем – то, что он со мной делал, как я извивалась в его объятиях и просила еще и еще.

Я хожу к Руби восемь месяцев – с тех пор, как умер папа. Сначала она помогала мне справиться с утратой, но потом мы стали все больше обсуждать мою маму, моего бывшего парня, мою неудовлетворенность работой, неудовлетворенность вообще всем. Даже несмотря на скользящую шкалу Руби, это транжирство – отдавать пятьдесят баксов в неделю только за то, чтобы меня выслушали.

Ее кабинет – комната с двумя креслами, диваном, журнальными столиками, на которых стоят коробки с салфетками, и мягким освещением – находится в паре кварталов от отеля. Окна выходят на залив Каско: видно кружащих над рыбацкими пирсами чаек, медлительные нефтяные танкеры и автобусы-амфибии, с криканьем соскальзывающие в воду и превращающиеся в лодки. Руби старше меня – она годится мне не в матери, а скорее в старшие сестры. У нее темно-русые волосы, она носит одежду из натуральных тканей. Мне нравятся ее сабо с деревянными каблуками, нравится, как они цокают, когда она ходит по кабинету.

– Ванесса!

А еще мне нравится, как она произносит мое имя, когда открывает дверь. Как будто она рада, что на пороге оказалась я, а не кто-нибудь еще.

На этой неделе мы обсуждаем мои планы на грядущие праздники: скорее всего, я поеду в родительский дом – впервые с тех пор, как не стало папы. Я боюсь, что мать в депрессии, и не знаю, как поднять с ней эту тему. Мы с Руби придумываем план, проговариваем разные сценарии, вероятные ответы мамы, если я предположу, что ей нужна помощь.

– Думаю, все будет нормально, – говорит Руби. – Главное – отнеситесь к ней с пониманием. Вы двое довольно близки. Вы можете обсуждать и неприятные вопросы.

Это мы-то близки? Я не спорю, но и не соглашаюсь. Иногда я поражаюсь, как легко я ввожу людей в заблуждение. А ведь я даже не специально.

Мне удастся не открывать пост в Фейсбуке до конца сеанса, когда Руби достает телефон, чтобы внести в календарь время нашей следующей встречи. Подняв глаза, она замечает, что я лихорадочно прокручиваю ленту, и спрашивает, не случилась ли какая-то сенсация.

– Дайте угадаю, – говорит она. – Разоблачили очередного абьюзера.

Похолодев, я отрываю взгляд от телефона.

– Спасу нет от этих бесконечных обличений, – печально улыбается она и заговаривает о последней оскандалившейся знаменитости – режиссере, который всю свою карьеру снимал фильмы об издевательствах над женщинами. За кадром он якобы любил появляться перед молоденькими актрисами без одежды и уламывал их на минет.

– Кто бы мог подумать, что этот парень – извращенец? – иронически спрашивает Руби. – Все нужные доказательства в его фильмах. Эти мужчины прячутся прямо у нас под носом.

– Только потому, что мы им потворствуем, – отзываюсь я. – Мы на все смотрим сквозь пальцы.

Она кивает:

– Очень точно.

Наш разговор щекочет мне нервы. Я подбираюсь очень близко к краю пропасти.

– Не знаю, что и думать о женщинах, которые снова и снова соглашались с ним работать, – говорю я. – Неужели у них нет никакого самоуважения?

– Ну, нельзя винить женщин, – говорит Руби.

Не возражая, я протягиваю ей чек.

Дома я накуриваюсь и, не выключив свет, засыпаю на диване. В семь утра мой телефон жужжит на паркете – пришло сообщение. На нетвердых ногах я иду за ним через всю комнату. Мама. «Привет, солнышко. Просто подумала о тебе».

Глазея на экран, я прикидываю, что ей известно. Пост Тейлор висит на Фейсбуке уже три дня, и, хотя мама не общается ни с кем из Броувика, он разошелся очень широко. И потом, в последнее время она вечно онлайн: лайкает, репостит, ругается с троллями-консерваторами. Она легко могла его увидеть.

Я сворачиваю сообщение и захожу в Фейсбук: 2300 репостов, 7900 лайков. Вчера вечером у Тейлор появился новый публичный статус:

«ВЕРЬТЕ ЖЕНЩИНАМ».

2000

СВОРАЧИВАЯ НА ДВУХПОЛОСНОЕ ШОССЕ НА НОРУМБЕГУ, мама сказала:

– Я очень хочу, чтобы в этом году ты побольше общалась с людьми.

Начинался мой второй год в старшей школе, в тот день я переезжала в общежитие и у мамы оставался последний шанс вытянуть из меня какие-то обещания, прежде чем меня целиком поглотит Броувик и ее доступ ко мне ограничится телефонными разговорами и каникулами. В прошлом году она боялась, что в школе-пансионе я стану оторвой, и заставила меня пообещать, что я не буду пить и заниматься сексом. В этом году она хотела, чтобы я пообещала завести новых друзей, что казалось куда более обидным, даже жестоким. Мы с Дженни были в ссоре уже пять месяцев, но рана по-прежнему не зажила. От одной фразы «новые друзья» у меня внутри все переворачивалось; сама мысль об этом казалась предательством.

– Я просто не хочу, чтобы ты круглыми сутками сидела в своей комнате, – сказала мама. – Что в этом плохого?

– Дома я все равно сидела бы у себя в комнате.

– Но ты будешь не дома. Разве не в этом все дело? Помню, ты, когда нас уговаривала на эту школу, упоминала социальные связи.

Я вжалась в сиденье, мечтая, чтобы мое тело полностью в нем утонуло и мне не пришлось бы слушать, как мама обращает мои собственные слова против меня. Полтора года назад к нам на урок пришел представитель Броувика и показал нам рекламный видеоролик с аккуратным кампусом, залитым солнечным светом. После этого я принялась уговаривать родителей, чтобы они разрешили мне подать документы в эту школу, и составила список из двадцати пунктов, озаглавленный «Почему Броувик лучше государственной школы». Среди моих аргументов значились социальные связи, а также процент поступивших в колледж выпускников и количество углубленных курсов. Все это я позаимствовала из брошюры. В результате, чтобы убедить родителей, хватило всего двух пунктов: я выиграла стипендию, так что им не пришлось бы тратить деньги, а в школе «Колумбайн» произошло массовое убийство. Мы целыми днями смотрели CNN, где раз за разом крутили съемки, на которых дети спасались бегством. Когда я сказала: «В Броувике такого никогда бы не случилось», родители переглянулись, словно я облекла в слова их мысли.

– Ты все лето кисла, – сказала мама. – Пора уже встряхнуться и жить дальше.

– Неправда, – промямлила я.

Но это была правда. Я либо тупила перед телевизором, либо валялась в гамаке в наушниках, слушая песни, которые гарантированно доводили меня до слез. Мама говорила, что нельзя купаться в жалости к себе: всегда найдется, из-за чего расстроиться, а ключ к счастливой жизни – не позволять себе скатываться в отрицательные эмоции. Она не понимала, как приятно бывает грусть; после нескольких часов в гамаке с Фионой Эппл в ушах я чувствовала нечто лучшее, чем счастье.

Теперь, сидя в машине, я закрыла глаза.

– Жалко, папа не поехал. При нем ты бы со мной так не разговаривала.

– Он сказал бы тебе то же самое.

– Да, но хотя бы потактичней.

Даже с закрытыми глазами я видела все, что пролетало за окном. Я училась в Броувике только второй год, но мы ездили этой дорогой не меньше дюжины раз. Мы проехали молочные фермы и пологие холмы Западного Мэна, универмаги с рекламой холодного пива и живой наживки, фермы с просевшими крышами, автосвалки на заросших полуметровой травой и золотарником дворах. Но после въезда в Норумбегу вокруг становилось очень красиво: идеаль-

ный центр города, пекарня, книжный магазин, итальянский ресторан, табачная лавка, публичная библиотека, а на вершине холма – сияюще-белый кампус Броувика из дерева и кирпича.

Мама свернула к главному въезду. В честь дня заезда большую вывеску «ШКОЛА БРОУВИК» украсили темно-красными и белыми воздушными шарами. Узкие дорожки кампуса были забиты легковыми машинами и кое-как припаркованными джипами, нагруженными всяким добром; кругом, разглядывая корпуса, бродили родители и новые ученики. Мама подалась вперед, склонившись над рулем, и, когда машина сделала рывок, остановилась и дернулась снова, воздух между нами подрагивал от напряжения.

– Ты умная, интересная девочка, – сказала она. – У тебя должно быть полно друзей. Не проводи все свое время с одним человеком.

Она наверняка не хотела, чтобы ее слова прозвучали так резко, но я все равно огрызнулась:

– Дженни не просто какой-то человек! Она была моей *соседкой по комнате*.

Я сказала это так, будто глубина наших отношений должна быть очевидна: эта сбивающая с толку близость, которая иногда делала мир за стенами общей комнаты приглушенным и бледным. Но маме было не понять. Она никогда не жила в общежитии, никогда не училась в колледже, не говоря уж о школе-пансионе.

– Соседка или не соседка, – ответила она, – но ты могла бы подружиться и с кем-нибудь еще. Я просто говорю, что заикливаться на одном человеке не совсем правильно.

Когда мы подъехали к лужайке, очередь из машин перед нами разделилась. Мама включила левый поворотник, потом правый.

– Куда мне ехать?

Вздохнув, я показала налево.

Общежитие «Гулд» было небольшим – по сути, просто домом с восемью комнатами и апартаментами дежурной. В прошлом году мне в жилищной лотерее досталась комната на одного – редкость для десятиклассницы. Нам пришлось трижды возвращаться к машине, чтобы перенести все мои вещи: два чемодана с одеждой, коробку книг, дополнительные подушки, постельное белье, лоскутное одеяло, сшитое мамой из старых футболок, которые стали мне малы, напольный вентилятор, который мы поставили посреди комнаты.

Пока мы разбирали вещи, мимо открытой двери проходили люди – родители, ученики. Чей-то младший брат носился взад и вперед по коридору, потом упал и завопил. Мама вышла в туалет, и я услышала, как она с фальшивой любезностью с кем-то здороваётся, а голос другой матери здороваётся в ответ. Я перестала расставлять книги на полке над столом и прислушалась. Прищурившись, я попыталась вспомнить голос – это была миссис Мерфи, мама Дженни.

Мама вернулась в комнату и закрыла дверь.

– Что-то шумно становится, – сказала она.

Задвигая книги на полку, я спросила:

– Это была мама Дженни?

– Угу.

– А Дженни ты видела?

Мама кивнула, но больше ничего не сказала. Какое-то время мы молча разбирали вещи. Когда мы заправляли кровать, натягивая простыню на полосатый матрас, я сказала:

– Если честно, мне ее жалко.

Мне понравилось, как это прозвучало, но это, конечно, было враньем. Еще накануне вечером я целый час разглядывала себя в зеркало в своей спальне, пытаясь увидеть себя глазами Дженни и гадая, заметит ли она, как посветлели мои волосы от спрея *Sun In*, какие у меня новые сережки-кольца.

Мама молча вытащила из пластикового чехла одеяло. Я знала: она боится, что я пойду на попятную и мне опять разобьют сердце.

– Даже если она захочет помириться, – продолжала я, – я не стану тратить на нее время. Разглаживая наброшенное на кровать одеяло, мама слегка улыбнулась.

– Она еще встречается с тем мальчиком?

Речь шла о Томе Хадсоне, парне Дженни и катализаторе нашей ссоры. Я пожала плечами, будто не знала, но это было не так. Разумеется, я знала. Все лето я заходила на страницу Дженни в AOL, и ее статус отношений никогда не менялся: «Несвободна». Они все еще были вместе.

Перед уходом мама дала мне четыре двадцатки и заставила меня пообещать, что я буду звонить домой каждое воскресенье.

– Не забывай, – напутствовала она. – А на папин день рождения ты едешь домой. – Она обняла меня так крепко, что стало больно.

– Я задыхаюсь.

– Прости-прости. – Она надела солнечные очки, чтобы спрятать слезы. Выходя из комнаты, она наставила на меня палец. – Будь умницей. И побольше общайся.

Я отмахнулась:

– Да-да-да.

С порога я наблюдала, как она идет по коридору и спускается по лестнице. И вот она исчезла. Я услышала два приближающихся голоса, счастливый раскатистый смех мамы и дочки. Когда показались Дженни и ее мать, я побыстрее нырнула обратно в комнату. Я успела увидеть их только мельком – достаточно, чтобы заметить, что она подстриглась и надела платье, которое весь прошлый год провисело в шкафу. Никогда на моей памяти она его не носила.

Лежа на кровати, я обводила комнату взглядом и прислушивалась к прощаниям в коридоре, всхлипам и тихому плачу. Я вспомнила, как год назад заселялась в общежитие для девятиклассников, как в первую же ночь мы с Дженни засиделись допоздна. Из ее бумбокса играли *Smiths* и *Bikini Kill* – я о таких группах никогда раньше не слышала, но притворилась, будто их знаю. Я боялась, что иначе станет видно: я лохушка, деревенщина, и тогда Дженни потеряет ко мне интерес. В первые дни в Броувике я написала в дневнике: «Больше всего мне нравится, что здесь я знакомлюсь с такими людьми, как Дженни. Она охрененно КРУТАЯ! Просто тусуясь с ней, я тоже учусь быть крутой!» Позже я вырвала и выбросила эту страницу. При виде ее у меня щеки горели от стыда.

Дежурной в «Гулде» назначили мисс Томпсон – новую учительницу испанского, только что закончившую колледж. На наше первое вечернее собрание в комнате отдыха она принесла цветные маркеры и листочки, чтобы мы повесили себе на двери таблички с именами. Все девочки, кроме нас с Дженни, были старшеклассницами. Мы держались подальше друг от друга, сели на противоположных концах стола. Рисуя свою табличку, Дженни сутулилась, ее короткие каштановые волосы спадали на щеки. Когда она подняла голову, чтобы взять другой маркер, ее взгляд скользнул сквозь меня, словно вообще не замечая.

– Прежде чем расходиться по комнатам, возьмите вот это, – сказала мисс Томпсон и открыла полиэтиленовый пакет. Сначала я подумала, что это конфеты, но потом увидела, что внутри лежат серебристые свистки. – Скорее всего, они вам никогда не понадобятся. Но на всякий случай лучше иметь их при себе.

– Зачем нам может понадобиться свисток? – спросила Дженни.

– Ну, понимаешь, это просто принятая в кампусе мера безопасности. – По широкой улыбке мисс Томпсон было сразу понятно, что ей не по себе.

– Но в прошлом году нам их не выдавали.

– Это на случай, если кто-то попытается тебя изнасиловать, – сказала Дина Перкинс. – Свисти, чтобы его остановить. – Она поднесла свисток к губам и дунула изо всех сил. По коридору разнесся такой приятный громкий свист, что мы не могли не последовать ее примеру.

Мисс Томпсон попыталась перекрыть шум.

– Ладно, ладно, – рассмеялась она. – Пожалуй, не помешает убедиться, что они работают.

– Неужели это правда может остановить человека, если он захотел тебя изнасиловать? – спросила Дженни.

– Ничто не остановит насильника, – сказала Люси Саммерс.

– Неправда, – ответила мисс Томпсон. – К тому же это не свистки против изнасилования. Это общее средство обеспечения безопасности. Если окажетесь в неприятной ситуации в кампусе, просто свистите.

– А мальчикам выдают свистки? – спросила я.

Люси и Дина закатили глаза.

– Зачем мальчикам свистки? – спросила Дина. – Включи мозги.

Дженни громко засмеялась, как будто минуту назад Люси с Диной не закатывали глаза на ее собственные вопросы.

В первый день занятий в кампусе царил суевея. Окна дощатых корпусов были распахнуты, на стоянках для сотрудников заняты все места. За завтраком я пила черный чай, сидя в конце длинного деревянного стола. У меня слишком сводило желудок, чтобы я могла есть. Я разглядывала столовую с высоким потолком, новые лица и перемены в лицах знакомых. Я замечала все: что Марго Этертон зачесывает волосы вправо, чтобы спрятать свой ленивый глаз, что Джереми Райс каждое утро крадет из столовой по банану. Еще до того, как Том Хадсон начал встречаться с Дженни и у меня появилась причина обратить на него внимание, я заметила, в какой последовательности он надевает футболки с названиями музыкальных групп, которые носит под рубашками. Я никак не могла обуздать свою жуткую способность замечать столько всего о людях, которые наверняка в упор не видели меня саму.

Вступительная речь состоялась между завтраком и первым уроком. По сути, это было напутствие с целью вдохновить нас перед началом учебного года. Мы собрались в обитом деревом актовом зале. Между раскрытыми бархатными шторами струился свет, под которым блестящие расставленные полукругом ряды стульев. Первые несколько минут директриса миссис Джайлз повторяла школьные правила и процедуры. Ее седеющие подстриженные волосы были заправлены за уши, хронически дрожащий голос журчал по залу; все выглядели румяными и свежими. Но к тому времени, как она сошла с кафедры, стало душно, и на лбах собравшихся начинали выступать капельки пота. В паре рядов позади меня кто-то простонал:

– Как долго это будет продолжаться?

Миссис Антонова свирепо оглянулась. Рядом со мной обеими руками обмахивала лицо Анна Шапиро. Проникающий в открытые окна сквозняк шевелил складки бархатных штор.

Затем через сцену размашисто прошагал мистер Стрейн, заведующий отделением литературы. Этого учителя я знала только в лицо. Он никогда у меня не преподавал, мы никогда не разговаривали. У него были волнистые черные волосы и черная борода, а очки отсвечивали так, что глаз было не разглядеть, но первое, что я заметила, – первое, что замечали все, – это его габариты. Он был не толстым, но крупным, широкоплечим и таким высоким, что сутулился, словно его тело хотело извиниться, что занимает столько места.

За кафедрой ему пришлось поднять микрофон до максимума. Когда он, бликуя под солнцем очками, начал говорить, я потянулась к рюкзаку и сверилась со своим расписанием. Вот он, последний урок сегодняшнего дня: продвинутый курс американской литературы с мистером Стрейном.

– Этим утром я вижу перед собой молодых людей, которым предстоят великие свершения.

Его слова гремели из колонок; произношение было таким отчетливым, что его почти больно было слушать: долгие гласные, твердые согласные. Тебя словно убаюкивали, только чтобы резко разбудить. Его речь сводилась к набору клише – тянитесь к звездам! Даже если не достанете, можете оказаться на луне, – но он был хорошим оратором и умудрялся наполнить свои слова глубоким смыслом.

– Пообещайте себе, что в этом учебном году несмотря ни на что постараетесь стать лучше, – говорил он. – Поставьте перед собой задачу сделать лучше Броувик. Оставьте свой след. – Он достал из заднего кармана брюк красный платок и, вытирая лоб, показал темное пятно пота подмышкой. – Я преподаю в Броувике тринадцать лет, – продолжал он, – и в эти тринадцать лет бесчисленное количество раз становился свидетелем храбрых поступков, совершенных учениками этой школы.

Я заерзала на стуле, понимая, что тоже вспотела под коленками и в изгибах локтей, и попыталась сообразить, что он имеет в виду под храбрыми поступками.

В расписании на осеннее полугодие у меня стояли продвинутый французский, продвинутая биология, углубленный курс мировой истории, геометрия (для обделенных талантом к математике; даже миссис Антонова называла этот курс «геометрией для чайников»), факультатив под названием «Политика и СМИ в США», где мы смотрели *CNN* и обсуждали грядущие президентские выборы, и продвинутая американская литература. В первый день учебы я, навьючившись учебниками, бегала на уроки из одного корпуса в другой. Сразу стало заметно, как возросла нагрузка с прошлого года. Каждый учитель предупреждал нас о предстоящих трудностях, домашней работе, контрольных и ускорившихся, иногда даже головокружительных темпах учебы: ведь это была не обычная школа, а мы не были обычными подростками; будучи незаурядными молодыми людьми, мы должны были смело встречать сложности, приветствовать их. Меня постепенно охватывало утомление. К середине дня у меня уже закрывались глаза, так что вместо обеда я прокралась обратно в «Гулд», свернулась клубком в постели и расплакалась. Я спрашивала себя: если и дальше будет так тяжело, зачем вообще напрягаться? Это был плохой настрой, особенно для первого дня, и я невольно задумалась, что я вообще делала в Броувике, зачем мне дали стипендию, почему решили, что я достаточно умна, чтобы тут учиться. Меня и раньше порой затягивало в этот водоворот, и я всякий раз приходила к одинаковому выводу: скорее всего, со мной что-то не так. Моя врожденная слабость проявлялась в лени, я боялась труда. Кроме того, складывалось впечатление, что никто не мучается в Броувике так, как я. Остальные были всегда подготовлены, знали все ответы на каждом уроке. Глядя на них, казалось, что все проще простого.

Придя на последний урок – американскую литературу, – я первым делом заметила, что мистер Стрейн успел сменить рубашку. Он стоял, скрестив руки и прислонившись к доске, и казался еще крупнее, чем в актовом зале. Курс посещали десять учеников, включая Дженни и Тома, и, когда мы заходили в аудиторию, мистер Стрейн провожал каждого оценивающим взглядом. Когда появилась Дженни, я уже сидела за партой в паре стульев от Тома. При виде ее тот просиял и жестом пригласил сесть на пустой стул между нами. Том ничего не замечал, он не понимал, что об этом не может быть и речи. Сжимая лямки рюкзака, Дженни неестественно улыбнулась.

– Давай лучше сюда сядем, – сказала она, имея в виду противоположный край стола – подальше от меня. – Тут лучше.

Ее взгляд скользнул мимо меня так же, как на собрании в общежитии. В каком-то смысле глупо было тратить столько усилий, притворяясь, что нашей дружбы никогда не существовало.

Раздался звонок на урок. Мистер Стрейн не шевельнулся. Прежде чем заговорить, он дождался, пока мы затихнем.

– Полагаю, вы между собой знакомы. Но я знаком не со всеми.

Он встал перед столом и принялся бессистемно задавать вопросы, обращаясь то к тому, то к этому ученику: как зовут, откуда родом. Некоторых он спрашивал и о другом: есть ли братья или сестры; каким было самое дальнее путешествие; имей мы возможность выбрать себе новые имена, какими бы они были? Дженни учитель спросил, в каком возрасте она впервые влюбилась, и та залилась румянцем до самых ушей. Сидящий рядом Том тоже покраснел.

Когда наступила моя очередь представиться, я сказала:

– Меня зовут Ванесса Уай, и я, в общем-то, ниоткуда.

Мистер Стрейн откинулся на спинку стула.

– Ванесса Уай, в общем-то ниоткуда.

Услышав, как глупо звучат мои слова со стороны, я нервно засмеялась.

– То есть это не настоящий город. У него нет названия. Его называют просто Поселок Двадцать Девять.

– Это в Мэне? Дальше по восточному шоссе? – спросил он. – Я прекрасно знаю, где это. Там еще есть озеро с чудесным названием, Уэйл-что-то-там.

Я удивленно моргнула.

– Уэйлсбек-Лейк. Мы как раз на нем живем. Мы единственные, кто живет там круглый год.

У меня странно екнуло сердце. В Броувике я почти никогда не скучала по дому, но, возможно, так происходило из-за того, что никто не знал, откуда я.

– Да ну? – Мистер Стрейн на секунду задумался. – Тебе там не бывает одиноко?

На секунду я потеряла дар речи. Вопрос поразительно метко и безболезненно резал по живому. Хотя я никогда не использовала слово «одиночество», описывая, каково это – жить в лесной глуши; услышав его от мистера Стрейна, я ощутила: видимо, так и есть, так было всегда. Я внезапно смутилась, представив себе, как ясно одиночество написано у меня на лбу, раз учителя с ходу видят, как мне одиноко.

– Ну, может, иногда, – выдавила я, но мистер Стрейн уже спрашивал Грега Экерса, каково было переехать из Чикаго на холмы Западного Мэна.

Покончив со знакомствами, мистер Стрейн сказал, что его курс будет для нас в этом году самым сложным.

– Большинство учеников говорит мне, что я самый строгий учитель в Броувике. Некоторые даже утверждают, что я строже их преподавателей в колледже. – Дожидаясь, пока мы осознаем серьезность его слов, он постучал пальцами по столу, после чего подошел к доске, взял мел и начал писать.

– Уже пора начать записывать, – бросил он через плечо.

Мы схватились за тетради, а он начал лекцию о Генри Уодсворте Лонгфелло и его поэме «Песнь о Гайавате», о которой я никогда не слышала, да и остальные явно тоже. Однако, когда учитель спросил, знакомы ли мы с ней, мы дружно кивнули. Никто не хотел показаться глупым.

Пока Стрейн рассказывал, я украдкой оглядывала аудиторию. Скелет ее был таким же, как и в остальных помещениях гуманитарного корпуса: паркетный пол, стена встроенных книжных стеллажей, зеленые доски, парты, – но эта аудитория казалась уютной и обжитой. На полу лежал ковер с протертой посередине дорожкой, большой дубовый стол заливал свет старомодной зеленой лампы, на шкафу для бумаг стояли кофемашина и кружка с эмблемой Гарварда. Из открытого окна доносился запах свежескошенной травы и шум заводящейся машины; мистер Стрейн с таким нажимом писал на доске строку из Лонгфелло, что мел начал крошиться в его руке. В какой-то момент учитель прервался, повернулся к нам и сказал:

– На моем курсе вы должны усвоить как минимум одну вещь: мир состоит из бесконечно переплетающихся историй, каждая из которых важна и правдива.

Я торопливо записала каждое слово.

За пять минут до конца урока лекция внезапно оборвалась. Руки мистера Стрейна обвисли, плечи ссутулились. Отойдя от доски, он сел за парту, потер лицо и тяжело вздохнул, после чего устало сказал:

– Первый день всегда такой длинный.

Не зная, что делать, мы продолжали сидеть, занеся ручки над тетрадями.

Стрейн убрал руки от лица.

– Скажу вам честно, – сказал он. – Я пиздец как устал.

От удивления Дженни хихикнула. Иногда учителя шутили на уроке, но я никогда еще не слышала, чтобы кто-то из них матерился. Мне и в голову не приходило, что такое возможно.

– Вы не против, если я буду ругаться? – спросил он. – Наверное, сначала надо было попросить у вас разрешения. – Он с саркастичной искренностью всплеснул руками. – Если мои непристойные выражения кого-то из вас оскорбляют, говорите сейчас или вечно храните молчание.

Разумеется, никто ничего не сказал.

Первые несколько недель учебы прошли незаметно: чередой уроков, черный чай на завтрак и сэндвичи с арахисовым маслом на обед, учебные часы в библиотеке, вечерний просмотр сериалов на канале *WB* в комнате отдыха «Гулда». За прогул собрания в общежитии мне назначили наказание, но я уговорила мисс Томпсон, что погуляю с ее собакой, вместо того чтобы целый час сидеть с ней в общежитии, – чего нам обеим не хотелось. Чаще всего утром перед занятиями я поспешно доделывала уроки, потому что, несмотря на все мои старания, мне всегда приходилось изо всех сил напрягаться, я всегда была на грани отставания. Учителя настаивали, что я могу исправиться; по их словам, я была сообразительной, но рассеянной и немотивированной – чуть более тактичная замена слову «ленивая».

Всего через несколько дней после заселения моя комната превратилась в кавардак из одежды, разрозненных записей и недопитых кружек чая. Я потеряла ежедневник, который должен был помочь мне все успевать, но это было закономерно, потому что я вечно все теряла. Не реже раза в неделю я, открывая дверь, обнаруживала в скважине свои ключи, оставленные кем-то, кто нашел их в туалете, аудитории или столовой. Я ни за чем не могла уследить: учебники падали в щель между кроватью и стеной, домашка мялась на дне рюкзака. Учителя вечно сердились на мои жеванные домашние задания, напоминали мне, что за неаккуратность оценка снижается.

– Тебе нужна система! – воскликнул учитель по углубленной истории, когда я лихорадочно перелистывала учебник в поисках сделанных накануне пометок. – Еще только вторая неделя учебы. Как ты умудрилась устроить такой хаос?

Пометки я в конце концов нашла, но факт оставался фактом: я была безалаберной, а безалаберность – признак слабости и серьезный недостаток.

В Броувике учителя раз в месяц ужинали со своими подопечными – обычно дома у учителя, но мой куратор миссис Антонова в гости нас никогда не приглашала.

– Границы необходимо соблюдать, – говорила она. – Не все учителя со мной согласятся, и это нормально. Они впускают учеников в свою жизнь, и это нормально. Но я не такая. Мы идем куда-нибудь, едим и, немного поболтав, расходимся. Границы.

В нашу первую встречу в новом году она повела нас в итальянский ресторан в центре. Пока я сосредоточенно накручивала на вилку лингвини, миссис Антонова отметила, что больше всего преподавателей беспокоит моя неорганизованность. Стараясь не показаться слишком пренебрежительной, я сказала, что поработаю над этим. Затем наша куратор по очереди рассказала каждому из своих подопечных, как о них отзываются учителя. Проблем с организацией больше ни у кого не оказалось, но кое у кого положение было похуже моего: Кайл Гуинн не сдал домашние задания по двум предметам, что считалось серьезной провинностью. Пока миссис Антонова зачитывала замечания его учителей, мы сидели, опустив взгляды на пасту в своих тарелках, чувствуя облегчение от того, что у нас все не настолько плохо. После ужина, когда наши тарелки унесли, миссис Антонова передала по кругу коробку круглых плюшек с вишневой начинкой.

– Это пампушки, – сказала она. – Украинское блюдо с родины моей матери.

Выйдя из ресторана, мы направились вверх по холму обратно в кампус; наша куратор оказалась рядом со мной.

– Ванесса, я забыла сказать, что в этом году тебе нужно записаться на дополнительные занятия. Может, даже сразу на несколько курсов. Тебе нужно думать о поступлении в колледж. В данный момент ты как абитуриент выглядишь неубедительно. – Она начала предлагать разные курсы, и я кивала в такт ее словам.

Я знала, что нужно больше участвовать в жизни школы, и я пыталась: на прошлой неделе я пришла на собрание французского клуба, но почти сразу сбежала, когда выяснилось, что на каждую встречу его члены приходят в маленьких черных беретах.

– А как насчет клуба писательского мастерства? – спросила миссис Антонова. – Тебе бы подошло, ты же пишешь стихи.

Я и сама об этом подумывала. Клуб писательского мастерства выпускал литературный журнал, и в прошлом году я читала его от корки до корки, сравнивала свои стихи с напечатанными и старалась объективно решить, у кого получалось лучше.

– Да, может быть, – сказала я.

Миссис Антонова дотронулась до моего плеча.

– Подумай об этом, – сказала она. – В этом году консультантом назначен мистер Стрейн. Он знает свое дело.

Оглянувшись, она хлопнула в ладоши и крикнула отставшим что-то по-русски – по непонятной причине он подгонял нас эффективнее, чем английский.

В клубе писательского мастерства состоял только один человек – Джесси Ли, единственный местный гот и, по слухам, гей. Когда я вошла в аудиторию, он сидел за партой перед стопкой бумаг, положив на соседний стул ноги в армейских ботинках. За ухом у него была ручка. Он мельком взглянул на меня, но ничего не сказал. Скорее всего, он вообще был не в курсе, как меня зовут.

Зато мистер Стрейн вскочил из-за стола и размашисто зашагал ко мне через всю комнату.

– Хочешь вступить в клуб? – спросил он.

Я открыла рот, но не знала, что сказать. Если бы я знала, что в клубе только один член, то, скорее всего, не пришла бы. Мне захотелось дать задний ход, но мистер Стрейн был слишком обрадован.

– Ты увеличишь количество наших членов на сто процентов. – Он затряс мне руку, и, похоже, передумывать было уже поздно.

Он подвел меня к парте, сел рядом и объяснил, что стопка бумаг – это материалы, поданные для публикации в журнале.

– Все это – работы учеников, – сказал он. – Постарайся не обращать внимания на имена. Прежде чем принимать решение, внимательно прочитай каждую до конца.

Он велел мне делать пометки на полях и оценивать каждую рукопись по пятибалльной шкале: единица – однозначно «нет», пять – однозначно «да».

Не поднимая взгляд, Джесси сказал:

– А я ставил галочки. Так мы поступали в прошлом году.

Он показал на бумаги, которые уже просмотрел: в верхнем правом углу каждой стояла маленькая галочка – с минусом или с плюсом. Мистер Стрейн с явным раздражением приподнял брови, но Джесси ничего не заметил. Он не поднимал глаз от стихотворения, которое читал.

– Оценивайте как хотите, я не возражаю, – сказал мистер Стрейн, улыбнулся мне и подмигнул. Вставая, он потрепал меня по плечу.

Когда мистер Стрейн вернулся за свой стол в другом конце аудитории, я взяла из стопки рассказ под названием «Худший день в ее жизни». Автор – Зоуи Грин. В прошлом году мы

с Зоуи вместе ходили на алгебру. Она сидела сзади меня и всякий раз, как Сет Маклеод называл меня Рыжей-бесстыжей, хохотала так, будто ничего смешнее в жизни не слышала. Я покачала головой и постаралась отогнать предвзятые мнения. Вот почему мистер Стрейн сказал не смотреть на имена.

Рассказ был о девочке, которая сидит в приемной больницы, пока умирает ее бабушка, и мне стало скучно после первого же абзаца. Джесси заметил, что я перелистываю страницы, пытаюсь понять, сколько осталось, и тихо сказал:

– Если написано плохо, тебе не обязательно дочитывать до конца. Я был редактором литжурнала в прошлом году, а консультантом – миссис Блум, и ей было все равно.

Я невольно покосилась на склонившегося над собственной кипой бумаг мистера Стрейна.

– Я дочитаю. Все нормально, – пожав плечами, сказала я.

Джесси прищурился на страницу в моих руках.

– Зоуи Грин? Та девчонка, которая в прошлом году психанула на дебатах?

Да, это была она. В последнем раунде Зоуи, которой поручили выступить в защиту смертной казни, расплакалась, когда ее оппонент Джексон Келли назвал ее взгляды расистскими и аморальными. Скорее всего, не будь он черным, его слова бы ее настолько не задели. После того как Джексона объявили победителем, Зоуи сказала, что посчитала его аргументы личным оскорблением, что было против правил дебатов, так что в итоге они разделили первое место, хотя все знали, что это лажа.

Джесси наклонился вперед, вырвал у меня рассказ Зоуи, поставил в правом углу галочку с минусом и кинул его в стопку отвергнутых работ.

– Вуаля, – сказал он.

Остаток часа, пока мы с Джесси читали, мистер Стрейн у себя за столом проверял учебные работы и время от времени выходил из класса, чтобы снять копии или принести воды для кофемашины. В какой-то момент он начал чистить апельсин, и комнату заполнил цитрусовый аромат. Когда я поднялась, собираясь уходить, мистер Стрейн спросил, приду ли я в следующий раз.

– Не уверена, – ответила я. – Я пока пробую разные курсы.

Он улыбнулся и, дождавшись, пока Джесси выйдет из класса, сказал:

– Полагаю, в социальном плане мы мало что можем предложить.

– Ой, это меня не волнует. Вообще-то я не суперобщительная.

– Почему же?

– Не знаю. Не то чтобы у меня была куча друзей.

Учитель вдумчиво кивнул:

– Понимаю, о чем ты. Я тоже люблю побыть наедине с собой.

Вначале мне хотелось возразить, сказать, что я совсем не люблю быть наедине с собой. Но потом подумала, что, возможно, мистер Стрейн прав. Возможно, я была одиночкой по собственному желанию и предпочитала держаться особняком.

– Ну, раньше моей лучшей подругой была Дженни Мерфи, – сказала я. – Она тоже ходит к вам на литературу.

Слова сорвались с моего языка, застав меня врасплох. Я никогда так не откровенничала с учителями, тем более с мужчинами; но мистер Стрейн так на меня смотрел – с мягкой улыбкой, подперев подбородок ладонью, – что мне захотелось поговорить, захотелось порисоваться.

– А, – отозвался он. – Маленькая царица Нила.

Когда я растерянно нахмурилась, он объяснил, что имеет в виду ее каре, из-за которого она похожа на Клеопатру. От этих слов я ощутила какой-то укол в животе. Вроде ревности, но злее.

– Я не считаю, что ее волосы выглядят настолько хорошо, – сказала я.

Мистер Стрейн усмехнулся:

– Итак, вы были подругами. Что изменилось?

– Она начала встречаться с Томом Хадсоном.

Он на секунду задумался:

– Мальчик с бакенбардами.

Я кивнула, думая о том, как учителя, должно быть, оценивают нас и мысленно классифицируют. Мне стало интересно, какие ассоциации вызову у него я, если кто-то упомянет Ванессу Уай. Девушка с рыжими волосами. Вечная одиночка.

– Значит, ты пострадала от предательства, – сказал он, имея в виду, что меня предала Дженни.

Раньше я об этом не задумывалась, и при этой мысли по моему телу разлилось тепло. Я пострадала. Дело было вовсе не в том, что я отпугнула ее своей привязанностью и бурными чувствами. Нет, мне причинили зло.

Мистер Стрейн встал, подошел к доске и принялся стирать записи, оставшиеся после урока.

– Что заставило тебя посетить наш клуб? Слабое место в аттестате?

Я кивнула. Казалось, с ним можно говорить начистоту.

– Миссис Антонова сказала, что мне это нужно. Но я правда люблю писать.

– И что же ты пишешь?

– В основном стихи. Ничего особенного.

Оглянувшись, мистер Стрейн улыбнулся мне одновременно словно бы по-доброму и снисходительно.

– Я хотел бы почитать твои работы.

Мой мозг уцепился за то, как он произнес слово «работы», – словно то, что я пишу, стоит воспринимать всерьез.

– Без проблем, – ответила я. – Если вы правда хотите.

– Хочу. Если бы не хотел, не попросил бы.

Я почувствовала, что у меня вспыхнули щеки. По мнению мамы, моей худшей привычкой было отклонять комплименты самоуничижением. Мне требовалось научиться принимать похвалу. Мама говорила, что все сводится к уверенности в себе. Или ее отсутствию.

Мистер Стрейн положил тряпку на полку и пристально посмотрел на меня с другого конца аудитории. Засунув руки в карманы, он оглядел меня с головы до ног.

– Милое платье, – сказал он. – Мне нравится твой стиль.

Промямлив «спасибо» – меня так основательно обучали хорошим манерам, что они стали почти инстинктивными, – я опустила глаза на свое платье. Оно было из темно-зеленого трикотажа, немного трапецевидное, но в общем-то бесформенное, чуть выше колен. Это не было стильное платье; я носила его только потому, что мне нравилось, как его цвет контрастирует с моими волосами. Казалось странным, что мужчина средних лет обращает внимание на девчачью одежду. Мой папа едва отличал платье от юбки.

Мистер Стрейн отвернулся к доске и опять принялся ее протирать, хотя она уже и так была чиста. Мне почти показалось, что он смутился, и отчасти мне захотелось поблагодарить его снова, на этот раз искренне. Я могла бы сказать: «Спасибо вам большое. Мне такого еще никто не говорил». Я ждала, что он повернется ко мне, но он продолжал водить тряпкой из стороны в сторону, оставляя на зеленой поверхности мутные потеки.

Я бочком двинулась к двери, и тут он сказал:

– Надеюсь снова увидеть тебя в четверг.

– Конечно, – сказала я. – Увидите.

Так что в четверг я пришла снова, и в следующий вторник тоже, а потом и в следующий четверг. Я стала официальным членом клуба. Отбор работ для литжурнала занимал у нас с Джесси больше времени, чем ожидалось, – в основном потому, что я была слишком нерешительной.

тельна и по несколько раз меняла свое мнение. В отличие от меня Джесси выносил вердикт стремительно и беспощадно; его ручка так и резала по страницам. Когда я спросила, как ему удастся так быстро принять решение, он ответил, что, хороша ли работа, должно быть очевидно с первой строчки. Как-то в четверг мистер Стрейн исчез в кабинете за аудиторией и вернулся со стопкой старых выпусков, чтобы мы поняли, как должен выглядеть журнал, – хотя Джесси был редактором в прошлом году и, естественно, все уже знал. Листая один из выпусков, я увидела среди авторов художественной прозы имя своего соклубника.

– Эй, тут ты, – сказала я.

При виде своего имени Джесси застонал:

– Не читай при мне, пожалуйста.

– Почему нет? – Я бегло просмотрела первую страницу.

– Потому что я не хочу.

Я положила журнал в рюкзак и вспомнила о нем только после ужина, когда тонула в невразумительных задачах по геометрии и изнывала от желания отвлечься. Достав журнал, я открыла рассказ Джесси и прочла его дважды. Он был хорош. По-настоящему хорош. Лучше, чем все, что я когда-либо писала, лучше всех материалов, которые нам подавали. Когда я попыталась сказать ему об этом на следующей встрече клуба, он меня перебил:

– Я больше не увлекаюсь сочинительством.

В другой раз мистер Стрейн показывал нам, как форматировать выпуск с помощью нового издательского ПО. Мы с Джесси сидели за компьютером бок о бок, а мистер Стрейн стоял сзади, наблюдал и поправлял. В какой-то момент я сделала ошибку, и он накрыл мою ладонь своей большой рукой, под которой моей было совсем не видно, и принялся водить моей мышкой. От его прикосновения у меня загорелось все тело. После еще одной моей ошибки все повторилось. На этот раз учитель слегка сжал мою ладонь, как бы давая понять, что я во всем разберусь; но он не делал так с Джесси, даже когда тот случайно вышел из программы, не сохранив изменения, и мистеру Стрейну пришлось объяснять все заново.

Наступил конец сентября, и целую неделю стояла идеальная солнечная прохлада. Каждое утро листва становилась все ярче, превращая горы вокруг Норумбеги в красочный переполох. Кампус выглядел так же, как в брошюре, которой я бредила, подавая заявление в Броувик: ученики в свитерах, ярко-зеленые лужайки, белые дощатые постройки, пылающие в лучах заката. Мне бы наслаждаться, но от этой погоды я не находила себе места, паниковала. После уроков я не могла уgomониться, бродила из библиотеки в комнату отдыха «Гулда», потом в свою комнату и снова в библиотеку. Где бы я ни находилась, меня тянуло куда-то еще.

Как-то после уроков я трижды обошла кампус и всякий раз оставалась недовольна: в библиотеке было слишком темно, в моей захламленной комнате – слишком депрессивно, а остальные места заполнили школьники, занимающиеся группками, что только подчеркивало мое вечное одиночество. Наконец я заставила себя остановиться на склоне лужайки за гуманитарным корпусом. *Успокойся, дыши.*

Я прислонилась к одинокому клену, привлекавшему мой взгляд на уроках литературы, и прикоснулась к своим горячим щекам тыльной стороной ладони. Я была так взвинчена, что вспотела, хотя на улице было всего десять градусов.

«Все в порядке, – сказала я себе. – Просто позанимайся здесь и *успокойся*».

Я села спиной к дереву, запустила руку в рюкзак и, проигнорировав учебник геометрии, достала блокнот на пружине. Мне подумалось, что я почувствую себя лучше, если сначала поработаю над стихотворением. Но, перечитав его – пару строф о девушке на необитаемом острове, которая призывает на берег моряков, – я поняла, что стихи плохие. Топорные, сбивчивые, практически бессвязные. С чего я взяла, что эти строки хороши? Как могла так ошибаться? Они были вопиюще плохими. Скорее всего, все мои стихи были плохими. Я свернулась

в комок и стала тереть веки основанием ладоней, пока не услышала приближающиеся шаги, хруст листы и ломающихся веток. Я подняла взгляд. Солнце заслонила исполинская фигура.

– Ну привет, – произнесла она.

Я загордилась ладонью от солнца – это был мистер Стрейн. Когда он заметил мои покрасневшие глаза, у него вытянулось лицо.

– Ты расстроена, – сказал он.

Глядя на него снизу, я кивнула. Похоже, лгать было бесполезно.

– Хочешь, чтобы я оставил тебя одну? – спросил он.

Поколебавшись, я отрицательно покачала головой.

Учитель тоже опустил на землю в нескольких футах от меня, вытянув свои длинные ноги. Под брюками проступили очертания коленей. Не сводя с меня взгляд, он наблюдал, как я вытираю глаза.

– Я не хотел тебе мешать. Заметил тебя из того окна и решил подойти поздороваться. – Он показал в сторону гуманитарного корпуса за нашими спинами. – Можно спросить, что тебя расстроило?

Я перевела дух, пытаюсь найти слова, но через секунду покачала головой.

– Слишком сложно объяснить, – сказала я.

Потому что дело было не только в том, что мои стихи никуда не годились, и не в том, что я не могла выбрать место для занятий, не выбившись предварительно из сил. Это было более темное чувство – страх, что со мной что-то не так и я никогда не смогу стать нормальной.

Я думала, что мистер Стрейн сменит тему. Но он просто дождался ответа, словно задал сложный вопрос на уроке. *Конечно, объяснить сложно. Трудные вопросы и должны вызывать у тебя затруднения, Ванесса.*

Я втянула в себя воздух и сказала:

– Это время года сводит меня с ума. Я чувствую, что вроде как мое время истекает. Как будто я понапрасну растрчиваю свою жизнь.

Мистер Стрейн моргнул. Я поняла, что он ожидал другого ответа.

– Растрчиваешь свою жизнь, – повторил он.

– Я знаю, что это бессмыслица.

– Неправда. Ты говоришь вполне разумные вещи. – Он оперся на ладони, поставив их за спиной, запрокинул голову. – Знаешь, будь ты моей ровесницей, я бы сказал, что у тебя, похоже, начинается кризис среднего возраста.

Он улыбнулся, и мое лицо поневоле последовало его примеру. Мистер Стрейн усмехнулся, я тоже усмехнулась.

– Мне показалось, ты что-то писала, – заметил он. – Получается что-то стоящее?

Я пожалала плечами, не зная, хочу ли назвать свои потуги стоящими. Это казалось хвастовством. Не мне судить.

– Покажешь, что написала?

– Ни за что. – Я стиснула блокнот в руках, прижала к груди и заметила, что в глазах моего собеседника вспыхнула тревога, словно мое резкое движение его напугало. Я взяла себя в руки и добавила: – Просто я еще не закончила.

– Можно ли вообще закончить текст по-настоящему?

Похоже было на вопрос с подвохом. Секунду подумав, я сказала:

– Одни тексты могут быть более законченными, чем другие.

Он улыбнулся; мой ответ ему понравился.

– Так, может, покажешь мне что-то более законченное?

Я ослабила хватку и открыла блокнот. По большей части записи представляли собой полужаконченные стихи с вымаранными и переписанными строками. Пролистав недавние страницы, я нашла стихотворение, над которым работала уже пару недель. Оно было не закончено,

но и не ужасно. Я отдала мистеру Стрейну блокнот, надеясь, что он не заметит закорючки на полях, ползущую вдоль корешка цветущую лозу.

Он осторожно держал блокнот обеими руками, и от одного вида моего блокнота в его ладонях по моему телу пробежала дрожь. Никто еще не прикасался к этим страницам, и уж тем более не читал, что там написано. Дочитав стихотворение, мистер Стрейн хмыкнул. Я ждала более определенной реакции, ждала, что он скажет, понравилось ему или нет, но он сказал только:

– Перечитаю еще раз.

Наконец он поднял взгляд:

– Ванесса, это чудесно.

Я громко выдохнула, начала смеяться.

– Как долго ты над ним работала? – спросил он.

Решив, что круче будет показаться гением-импровизатором, я невзначай соврала:

– Недолго.

– Ты говорила, что часто пишешь. – Мистер Стрейн вернул мне блокнот.

– Как правило, каждый день.

– Это видно. У тебя отлично получается. Я говорю это как читатель, а не как учитель.

От радости я снова рассмеялась, а мистер Стрейн улыбнулся своей нежно-снисходительной улыбкой.

– Разве это смешно? – спросил он.

– Нет, просто никто еще так не хвалил мои стихи.

– Ты шутишь. Это ерунда. Я могу сказать еще много хорошего.

– Просто я никогда еще не позволяла никому читать... – Я чуть не сказала «мою писанину», но решила употребить его слово: – Мои работы.

Повисла тишина. Мистер Стрейн снова оперся на ладони и принялся рассматривать открывавшийся перед нами вид: живописный центр города, далекую реку, пологие холмы. Я снова уставилась на свой блокнот. Мой взгляд был устремлен на страницы, но я ничего не видела. Я слишком ясно ощущала близость его тела, его покаты торс и натянувший рубашку живот, длинные, скрещенные в щиколотках ноги. Одна из его штанин задралась, обнажив полоску кожи между краешком ткани и походным ботинком. Опасаясь, что мистер Стрейн сейчас встанет и уйдет, я попыталась придумать, что бы такого сказать, чтобы он остался, но не успела: он поднял с земли кленовый лист, покрутил его за черенок и, на секунду задержав на нем взгляд, поднес к моему лицу.

– Смотри-ка, – сказал он. – Идеально подходит к твоим волосам.

Я замерла, почувствовав, как приоткрывается мой рот. Он еще мгновение подержал кленовый лист у моего лица; его уголки касались моих волос. Затем, чуть покачав головой, мистер Стрейн опустил руку, и лист упал на землю. Он встал, снова заслонив солнце, вытер ладони о бедра и, не попрощавшись, направился обратно к гуманитарному корпусу.

Когда он скрылся из виду, меня охватило помешательство, потребность сбежать. Я захлопнула блокнот, схватила рюкзак и помчалась к общежитию, но, передумав, вернулась и поискала глазами тот самый листок, который мистер Стрейн поднес к моим волосам. Спрятав его между страницами блокнота, я словно бы полетела над кампусом, только порой едва касаясь земли. Только у себя в комнате я вспомнила: мистер Стрейн сказал, что заметил меня из окна, – и зажмурилась при мысли, что он видел, как я ищу кленовый листок.

В следующие выходные я поехала домой на папин день рождения. Мама подарила ему щенка золотистого ретривера из приюта. Указанная причина отказа владельца – «слишком бледный окрас». Папа называл щенка Бэйб, как свинку из фильма, потому что своим толстым пузиком и розовым носом она напоминала поросенка. Летом умерла наша старая собака – двенадцатилетняя овчарка, которую папа подобрал в городе, так что раньше у нас никогда не было

щенка. Я настолько влюбилась в Бэйб, что все выходные носила ее на руках, как младенца, гладила ее мармеладные подушечки на лапках и нюхала ее сладкое дыхание.

Вечером, когда родители легли спать, я встала перед зеркалом в своей спальне, изучая свое лицо и волосы и пытаюсь увидеть себя глазами мистера Стрейна – стильную девушку с кленово-рыжими волосами, которая носит милые платья, – но увидела только бледную, веснушчатую девчонку.

В воскресенье мама повезла меня назад в Броувик, а папа остался дома с щенком. В замкнутом пространстве машины грудь у меня разрывалась от желания пооткровенничать. Но о чем тут рассказывать? Что он пару раз дотронулся до моей руки, сказал что-то о моих волосах?

Когда мы проезжали по мосту в город, я как бы невзначай спросила:

– Ты когда-нибудь замечала, что мои волосы одного цвета с кленовой листвой?

Мама удивленно посмотрела на меня.

– Ну, клены бывают разные, – сказала она, – и осенью все они окрашиваются в разные цвета. Есть сахарные клены, есть пенсильванские, есть красные. На севере есть колосистые...

– Неважно. Забудь.

– С каких пор тебя интересуют деревья?

– Я говорила не о деревьях, а о своих волосах.

Тогда мама спросила, кто сказал мне, что мои волосы похожи на кленовую листву, но, похоже, ничего не заподозрила. Голос ее звучал нежно, как будто она умилилась.

– Никто, – ответила я.

– Кто-то наверняка тебе это сказал.

– По-твоему, сама я заметить не могла?

Мы остановились на красном светофоре. Радиоведущий зачитывал сводку последних новостей.

– Я расскажу, если ты пообещаешь не беситься.

– Не стану я беситься.

Я пристально посмотрела на нее:

– Обещай.

– Ладно, – сказала мама. – Обещаю.

Я глубоко вздохнула.

– Мне сказал это кое-кто из учителей. Что мои волосы того же цвета, что листва красного клена. – Выговорив эти слова, я чуть не засмеялась от облегчения.

Мама прищурилась:

– Учитель?

– Мам, следи за дорогой.

– Мужчина?

– Какая разница?

– Учитель не должен говорить тебе такие вещи. Кто это был?

– Мам.

– Я хочу знать.

– Ты обещала не беситься.

Она поджала губы, словно пытаясь успокоиться.

– Я просто говорю, что странно заявлять такое пятнадцатилетней девочке.

Мы проезжали город: кварталы пришедших в упадок и разделенных на квартиры викторианских особняков, безлюдный центр, разросшуюся больницу, усмехающийся памятник Полу Баньяну, который своими черными волосами и бородой немного напоминал мистера Стрейна.

– Это был мужчина, – сказала я. – Ты правда думаешь, что это странно?

– Да, – сказала мама. – Я правда так думаю. Хочешь, я с кем-нибудь поговорю? Пойду туда и устрою скандал.

Вообразив, как она врывается в административный корпус и требует поговорить с директрисой, я покачала головой. Нет, этого я не хотела.

– Да он и упомянул-то об этом между делом, – сказала я. – Не делай из мухи слона.

Мама немного расслабилась.

– Кто это был? – снова спросила она. – Я ничего не сделаю. Я просто хочу знать.

– Мой учитель по политологии, – не моргнув глазом соврала я. – Мистер Шелдон.

– Мистер *Шелдон*, – прошипела она так, будто глупее имени в жизни не слышала. – Как бы там ни было, тебе не стоит близко общаться с учителями. Сосредоточься на том, чтобы завести новых друзей.

Я смотрела, как за окном бежит дорога. Мы могли добраться до Броувика по междуштатному шоссе, но мама отказалась, заявив, что это гоночный трек, полный озлобленных людей. Вместо этого она поехала по двухполосному шоссе, что занимало вдвое больше времени.

– К твоему сведению, со мной все в порядке.

Она, нахмутив брови, покосилась на меня.

– Я предпочитаю быть наедине с собой, – продолжала я. – Это нормально. Не нужно меня этим доставать.

– Я тебя не достаю, – сказала она, но мы обе знали, что это неправда. Через секунду она добавила: – Извини. Я просто за тебя волнуюсь.

Остаток пути мы почти не разговаривали, и, глядя в окно, я невольно чувствовала, что победила.

Я сидела в кабинке для занятий в библиотеке, раскрыв перед собой задачи по геометрии. Я пыталась сосредоточиться, но мой мозг словно превратился в камешек, прыгающий по воде. То есть нет – скорее в камешек, гремящий в консервной банке. Я достала блокнот, чтобы записать это выражение, и отвлеклась на стихотворение об островитянке, над которым продолжала работать. Когда я в следующий раз подняла глаза, оказалось, что прошел уже целый час, а я еще и не начинала домашку по геометрии.

Я потеряла лицо, взяла карандаш и попыталась позаниматься, но уже через несколько минут принялась глазеть в окно. В закатном свете деревья полыхали ярким пламенем. Мальчики в футбольной форме, перекинув бутсы через плечо, возвращались с полей. Две девочки несли футляры со скрипками, как рюкзаки. С каждым шагом их двойные хвостики покачивались.

Потом я заметила мисс Томпсон с мистером Стрейном: они медленно, не торопясь, шли к гуманитарному корпусу. Руки мистера Стрейна были сведены за спиной, а мисс Томпсон улыбалась, прикасаясь к своему лицу. Я попыталась вспомнить, видела ли их вместе раньше, попыталась определить, красива ли мисс Томпсон. У нее были синие глаза и черные волосы – мама всегда называла это сочетание эффектным, – но она была полновата, и задница у нее выпирала, как полка. Я боялась, что моя фигура в будущем станет именно такой, если я не буду осторожна.

Прищурившись, я вглядывалась в даль, чтобы разглядеть их получше. Они шли близко, но друг к другу не прикасались. Мисс Томпсон запрокинула голову и рассмеялась. Неужели мистер Стрейн любит шутить? Меня он никогда не смешил. Прижавшись к окну, я старалась не упускать их из вида, но они свернули за угол и исчезли за рыжей кроной дуба.

Мы сдали предварительные экзамены на выявление академических способностей. Мои результаты оказались удовлетворительными, но не такими хорошими, как у большинства десятиклассников, которые уже начали получать по почте брошюры университетов Лиги плюща. Чтобы справиться со своей безалаберностью, я купила новый ежедневник, учителя это заме-

тили и передали миссис Антоновой, которая в награду подарила мне коробку конфет с фундуком.

На литературе мы читали Уолта Уитмена, и мистер Стрейн объяснял, что люди многогранны и противоречивы. Я начала обращать внимание на противоречия в нем самом: он учился в Гарварде, но рассказывает, как рос в бедности; он оснащает свои красноречивые лекции ругательствами и сочетает элегантно приталенные пиджаки и выглаженные рубашки с поношенными походными ботинками. Манера преподавания у него тоже была противоречивая. Высказывать свои мысли на уроке всегда было страшновато: если учителю нравился ответ, он хлопал в ладоши и подходил к доске, чтобы получше раскрыть твоё блестящее замечание, а если не нравился, он даже не давал тебе договорить – просто обрывал своим «Ладно, достаточно», которое продирало до костей. Из-за этого я боялась лишней раз раскрыть рот, хотя иногда, задав классу открытый вопрос, мистер Стрейн смотрел прямо на меня, как будто его интересовало именно мое мнение.

На полях тетрадей я записывала все, что он мимоходом рассказывал о себе: он вырос в Бьютте, штат Монтана; до поступления в Гарвард в восемнадцать лет он никогда не видел океана; он живет в центре Норумбеги, напротив публичной библиотеки; он не любит собак, потому что какой-то пес покусал его в детстве. Как-то во вторник после собрания клуба писательского мастерства, когда Джесси уже вышел из аудитории и прошел полкоридора, мистер Стрейн сказал, что у него кое-что для меня есть. Он открыл нижний ящик стола и достал книгу.

– Это к уроку? – спросила я.

– Нет. Это для тебя. – Он обошел стол и вложил мне в руки книгу: «Ариэль» Сильвии Плат. – Ты ее читала?

Я покачала головой, повертела книгу в руках. У нее была потрепанная синяя тканевая обложка. Между страниц торчал обрывок бумаги – самодельная закладка.

– Она слегка хватает через край, – сказал мистер Стрейн. – Но молодые женщины ее любят.

Я не знала, что он имеет в виду под словами «хватает через край», но спрашивать не хотела. Я пролистала книгу – проблески стихов – и остановилась на заложенной странице; название «Леди Лазарь» было напечатано прописными буквами и выделено жирным шрифтом.

– Почему эти стихи помечены? – спросила я.

– Давай покажу.

Мистер Стрейн встал со мной бок о бок, перевернул страницу. Когда он был так близко, мне казалось, будто меня проглотили; моя голова не доходила ему до плеча.

– Вот, – он указал мне на строки:

*Из праха восставая
С рыжею копной волос,
Я как воздух мужчин пожираю¹.*

– Это напомнило мне о тебе, – сказал он, протянул руку и легонько дернул меня за хвост.

Я уперлась взглядом в книгу, словно читала стихотворение, но строфы размывались в черные кляксы на желтой странице. Я не знала, какой реакции ждет мистер Стрейн. Казалось, надо рассмеяться. Я гадала, не флиртует ли он, но это было невозможно. Ведь по идее флирт – это весело, а происходящее было слишком тяжело для веселья.

Мистер Стрейн тихо спросил:

– Ничего, что эти строчки напомнили мне о тебе?

Я облизнула губы и пожала плечами:

---

¹ Пер. Я. Пробштейна.

– Конечно.

– Потому что я вовсе не хочу перейти границу.

«Перейти границу». Я не знала точно, что он имеет в виду, но его взгляд не позволял мне задавать вопросы. Мистер Стрейн вдруг показался мне одновременно смущенным и полным надежд, как будто, скажи я, что это ненормально, он мог бы расплакаться.

Так что я улыбнулась и покачала головой:

– Все в порядке.

Он выдохнул.

– Хорошо, – сказал он и вернулся к своему столу. – Почитай и дай мне знать, что думаешь. Может, это вдохновит тебя на пару стихотворений.

Я вышла из класса и отправилась напрямиком в «Гулд», где легла в постель и прочла «Ариэль» до последней страницы. Стихи мне понравились, но меня больше интересовало, почему они напомнили мистеру Стрейну обо мне и когда именно это случилось – может быть, в тот день с листочком? Кленово-рыжие волосы. Я гадала, как долго он хранил эту книгу в ящике стола, долго ли решал, отдать ли ее мне. Может быть, он набирался храбрости.

Я взяла обрывок бумажки, которым он заложил «Леди Лазарь», и написала красивым почерком: «Восставая с рыжею копной волос», после чего приколотила его к пробковой доске над столом. Только взрослые говорили комплименты моим волосам, но со стороны мистера Стрейна это была не просто любезность. Он думал обо мне. Он думал обо мне так много, что какие-то вещи напоминали ему обо мне. Это должно было что-то значить.

Выждав несколько дней, я вернула ему «Ариэля». Повозившись после урока, пока остальные не ушли, я положила книгу ему на стол.

– Ну? – Он подался вперед на локтях от нетерпения узнать, что я скажу.

Я помешкала, наморщила нос.

– Она немного эгоцентрична.

Он засмеялся – по-настоящему засмеялся.

– Справедливо. Ценю твою честность.

– Но книга мне понравилась, – сказала я. – Особенно стихи, которые вы заложили.

– Я так и думал. – Он подошел к книжному стеллажу, обвел взглядом полки. – Вот, – сказал он, вручая мне другую книгу – Эмили Дикинсон. – Посмотрим, что ты скажешь об этой.

Я не стала выжидать, прежде чем вернуть ему Дикинсон. На следующий день после урока я бросила книгу ему на стол и сказала:

– Я не в восторге.

– Ты шутишь.

– Она какая-то скучная.

– Скучная! – Он прижал ладонь к груди. – Ванесса, ты разбила мое сердце.

– Вы говорили, что цените мою честность, – рассмеялась я.

– Так и есть. Но я ценю ее больше, когда наши мнения совпадают.

Затем он дал мне книгу Эдны Сент-Винсент Миллей, которая, по словам мистера Стрейна, была максимально нескучной.

– И она тоже была рыжеволосой девушкой из Мэна, – добавил он. – Прямо как ты.

Я носила его книги с собой, читала, когда только могла, в каждую свободную минуту, за завтраком, за обедом. Я начала осознавать, что дело не в том, понравятся ли мне книги; скорее он давал мне разные линзы, сквозь которые я могла смотреть на себя. Стихи были подсказками, помогающими мне понять, почему он так заинтересован, что такого он во мне нашел.

Его внимание придало мне смелости показать ему наброски своих стихов, когда он попросил почитать еще какие-то мои работы, и мистер Стрейн вернул их с критическими замечаниями – не только с похвалой, но и с реальными предложениями, как их улучшить. Обведя слова, по поводу которых я и сама сомневалась, он писал: «Лучший вариант?» Другие

слова он вычеркивал вообще и писал: «Ты способна на большее». На стихотворении, которое я написала среди ночи, пробудившись от сна, который разворачивался в каком-то непонятном месте, смеси его аудитории и моей спальни в доме родителей, он написал: «Ванесса, это меня немного пугает».

Во время часа консультаций гуманитарного отделения я теперь сидела у мистера Стрейна в классе, занимаясь за партой, пока он работал за своим столом, а окна набрасывали на нас обоих октябрьский свет. Иногда заходили другие ученики, чтобы попросить помощи с домашним заданием, но большую часть времени мы сидели вдвоем. Он расспрашивал меня обо мне: как я росла на Уэйлсбек-Лейк, что думаю о Броувике и чем хочу заниматься, когда вырасту. Он говорил, что для меня открыты все дороги, что я обладаю редким видом интеллекта, который нельзя измерить оценками и баллами за тесты.

– Иногда я волнуюсь за таких учеников, как ты, – говорил он. – Тех, что приехали из маленьких городков с захудалыми школами. В таком месте, как Броувик, легко перенапрячься и пропасть. Но ты справляешься, правда?

Я кивнула, хотя не понимала, что мистер Стрейн представляет себе, говоря «захудалые». Моя старая средняя школа была не так уж плоха.

– Не забывай, – сказал он, – ты особенная. В тебе есть что-то, о чем эти заурядные отличники могут только мечтать. – Говоря «заурядные отличники», он показал на пустые стулья вокруг парт, и я вспомнила Дженни – ее одержимость оценками, случай в девятом классе: зайдя к нам в комнату, я увидела, что моя подруга, не разувшись, лежит на кровати и рыдает. Постель была засыпана каменной солью, на полу валялась смятая контрольная работа по алгебре. Она получила восемьдесят восемь баллов. «Дженни, это все равно четверка», – сказала я, но ее это нисколько не утешило. Она только отвернулась к стене и, плача, спрятала лицо в ладонях.

В другой раз, печатая на компьютере учебные планы, мистер Стрейн ни с того ни с сего сказал:

– Интересно, что они думают о том, что ты проводишь со мной столько времени.

Я не знала, кто такие эти «они» – другие ученики или учителя? А может, он имел в виду сразу всех, сводя весь мир к коллективному другому.

– Я бы не стала об этом волноваться, – сказала я.

– Почему же?

– Потому что никто никогда не замечает, чем я занимаюсь.

– Это не так. Я все время тебя замечаю.

Я подняла взгляд от тетради. Мистер Стрейн перестал печатать, его пальцы лежали на клавишах. Он смотрел на меня с такой нежностью, что я похолодела.

После этого я начала воображать, как он наблюдает за мной, когда я осоловело завтракаю, гуляю в центре города, остаюсь в своей комнате одна, снимаю с хвостика резинку и забираюсь в постель с последней книгой, которую он для меня подобрал. В моем воображении он наблюдал, как я переворачиваю страницы, замороженный каждым моим движением.

Наступили родительские выходные – три дня, когда Броувик показывал товар лицом. В пятницу устраивали приветственный коктейль для родителей, после чего в столовой для всей школы давали официальный ужин с блюдами, которые никогда больше не появлялись в меню: ростбифом, пальчиковым картофелем, теплым черничным пирогом. Родительские собрания были назначены на субботу перед обедом, днем проходили домашние матчи, а в воскресенье утром оставшиеся родители отправлялись в церковь или на бранч. В прошлом году мои ходили на всё, даже на воскресную мессу, но в этом году мама сказала мне:

– Ванесса, если нам придется пройти через это снова, мы с папой потеряем волю к жизни.

Так что они приехали только на субботнее собрание. Ну и ладно; Броувик был моим миром, а не их. Они, наверное, скорее бы за республиканцев проголосовали, чем наклеили на машину стикер с надписью: «Мой ребенок учится в Броувике».

После собрания родители пришли ко мне в комнату. На папе была бейсболка с логотипом команды *Red Sox* и клетчатая рубашка, мама пыталась уравновесить его своим трикотажным костюмом. Папа бродил по комнате, изучая книжные полки, а мама легла на кровать рядом со мной и попыталась взять меня за руку.

– Не надо, – сказала я, вырывая ладонь.

– Тогда дай я понюхаю твою шею. Я соскучилась по твоему запаху.

Я прижала плечо к уху.

– Мам, это как-то странно. Это ненормально.

На прошлых зимних каникулах она попросила у меня мой любимый шарф, чтобы хранить его в коробке и нюхать, когда соскучится. Это воспоминание мне пришлось поскорее выбросить из головы, иначе я задохнулась бы от чувства вины.

Мама начала описывать собрание. Меня интересовало только одно: что сказал мистер Стрейн, но я дожидалась, пока она перечислит всех учителей, потому что не хотела вызвать подозрения своим чрезмерным любопытством.

Наконец она сказала:

– Твой учитель литературы кажется интересным человеком.

– Это тот бородатый здоровяк? – спросил папа.

– Да, тот, что учился в Гарварде, – сказала она, растягивая это слово. «Га-арвард». Я гадала, как это всплыло. Мистер Стрейн почему-то упомянул, что там учился, или родители заметили диплом на стене за его столом?

Мама повторила:

– Очень интересный человек.

– В каком смысле? – спросила я. – Что он сказал?

– Сказал, что на прошлой неделе ты написала хорошее сочинение.

– И все?

– А что еще он должен был сказать?

При мысли, что он говорил обо мне, как об обычной ученице, я закусила щеку от унижения. «На прошлой неделе она написала хорошее сочинение». Может, я для него и была обычной ученицей.

Мама сказала:

– А знаешь, кто меня не впечатлил? Этот учитель по политологии, мистер *Шелдон*. – Стрельнув в меня глазами, она добавила: – Он выглядит настоящим засранцем.

– Ладно тебе, Джен, – вмешался папа. Он ненавидел, когда мама при мне ругалась.

Я вскочила с кровати, распахнула дверцу шкафа и принялась рыться в своей одежде, чтобы не смотреть на них, пока они обсуждали, остаться ли им на ужин или уехать домой до темноты.

– Ты ужасно расстроишься, если мы не останемся на ужин? – спросили они.

Упершись взглядом в одежду на вешалках, я промямлила, что это не важно. По своему обыкновению резко попрощавшись, я постаралась не раздражаться, когда у мамы на глазах выступили слезы.

Подходил срок сдачи работ по Уитмену. В пятницу мистер Стрейн ходил по классу, прося то одного, то другого ученика изложить свои тезисы. В ответ он делал два типа замечаний: либо «хорошо, но нуждается в доработке», либо «выброси и начни заново», и постепенно все мы начали обмякать от тревоги. Тому Хадсону досталось «выброси и начни заново», и на секунду мне показалось, что он сейчас заплачет, но, когда Дженни досталось «хорошо, но нужно доработать», она и правда начала смаргивать слезы. Какой-то части меня захотелось подбежать к ней, заключить ее в объятия и сказать мистеру Стрейну, чтобы он оставил ее в покое. Когда очередь дошла до меня, он сказал, что мой план работы идеален.

Когда всех оценили, до конца урока оставалось еще пятнадцать минут, и мистер Стрейн велел нам использовать это время, чтобы внести исправления в тезисы. Я сидела, не зная, что делать, ведь у меня и так все было идеально. Тут учитель окликнул меня из-за своего стола. Он поднял листочек со стихотворением, которое я дала ему в начале урока, и позвал меня к себе:

– Давай обсудим вот это.

Скрипнув стулом, я встала, и в тот же момент Дженни, пытаясь размять затекшую руку, уронила карандаш. На секунду наши глаза встретились, и, подходя к учительскому столу, я чувствовала на себе ее взгляд.

Я села на стул рядом с мистером Стрейном и увидела, что на полях моего стихотворения нет ни одной пометки.

– Подсаживайся поближе, чтобы мы могли говорить тихо, – сказал он.

Не успела я пошевелиться, как он схватил мой стул за спинку и подкатил его к себе, так что нас разделяло меньше фута.

Может, кому-то и было любопытно, чем мы с ним занимаемся, но никто этого не показывал. Все головы сосредоточенно склонились над тетрадками. Можно было подумать, что все ученики существуют в одном мире, а мы с мистером Стрейном – в другом. Он разгладил складку на моем листке в том месте, где я его сложила, и начал читать. Учитель сидел так близко, что я чувствовала его запах – кофе и мел, – и, пока он читал, я смотрела на его руки, плоские обгрызенные ногти, темные волоски на запястьях. Я гадала, почему он предложил обсудить стихотворение, если еще его не прочитал. Гадала, что он подумал о моих родителях, посчитал ли их деревенщинами – папу в его фланелевой рубашке и маму, прижимающую сумочку к груди. «О, вы учились в Гарварде», – должно быть, сказали они, растягивая слова от благоговения.

Указывая ручкой на страницу, мистер Стрейн прошептал:

– Несса, не могу не спросить: ты хотела показаться сексуальной?

Я бросила взгляд на указанные им строки:

*«Фиалковоживотая и мягкая, она сонно ворочается,
сбивая одеяла ногами с облупленным лаком,
широко зевает и позволяет ему заглянуть внутрь ее».*

Его вопрос расколол меня надвое: тело мое осталось рядом с ним, а разум сбежал назад к парте. Никто еще не называл меня сексуальной, и только родители звали меня Нессой. Я спросила себя, не назвали ли они меня так на собрании. Возможно, мистер Стрейн заметил это ласковое имя и припрятал его для себя.

Хотела ли я показаться сексуальной?

– Не знаю.

Он отстранился – едва заметно, но я это почувствовала, – и сказал:

– Я не хотел тебя смущать.

Я поняла: это проверка. Он хотел посмотреть, как я отреагирую, если назвать меня сексуальной, а смущение значило бы, что я провалилась. Поэтому я покачала головой:

– Я не смутилась.

Мистер Стрейн продолжал читать, поставил рядом с другой строкой восклицательный знак и прошептал скорее самому себе, чем мне:

– О, это чудесно.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. За партами Грег Экерс с хрустом разминал пальцы по одному, а Дженни водила ластиком по своему плану, который ей никак не давался. Мой взгляд скользнул к окнам и заметил что-то красное. Прищурившись, я увидела воздушный

шарик. Его веревочка зацепилась за голую ветвь клена. Он покачивался на ветру, стучался о листву и кору. Откуда вообще взялся этот шарик? Я гладела на него, по ощущениям, очень долго, с такой сосредоточенностью, что даже не моргала.

А потом колено мистера Стрейна прикоснулось к моему голому бедру прямо возле подола юбки. Глаза его не отрывались от стихотворения, кончик ручки следовал за строками, а колено льнуло ко мне. Помертвев, я оцепенела. За партами девять голов сосредоточенно склонялись над планами. На ветке за окном висел обмякший красный шарик.

Поначалу я решила, что это случайность, что мистер Стрейн принимает мою ногу за стол или ребро стула. Я ждала, что он осознает, что сделал, увидит, где очутилась его нога, быстро прошепчет: «Извини» – и отодвинется, но его колено по-прежнему прижималось ко мне. Когда я попыталась вежливо отстраниться, он двинулся вместе со мной.

– Думаю, мы очень похожи, Несса, – прошептал он. – По твоей манере письма видно, что в тебе, как и во мне, таится мрачный романтизм. Тебе нравится все мрачное.

Заслоненный столом, мистер Стрейн опустил руку и мягко, опасливо погладил мое колено – так гладят собаку, которая может взбеситься и укусить. Я не кусалась. Не шевелилась. Даже не дышала. Он продолжал писать заметки о стихотворении, поглаживая мое колено свободной рукой, и мой разум ускользнул. Он парил под потолком, и я видела себя сверху – сутулые плечи, отрешенный взгляд, ярко-рыжие волосы.

Потом урок кончился. Мистер Стрейн отодвинулся. Кожа на колене – там, откуда он убрал свою руку, – похолодела, в аудитории все пришло в движение и шум: вжик молний, хлопанье учебников, смех и слова. И никто не знал, что случилось прямо перед ними.

– С нетерпением жду твоих следующих стихов, – сказал мистер Стрейн. Он отдал мне разобранный стихотворение, как будто все нормально, словно ничего и не произошло.

Остальные девять учеников собрали вещи и вышли из класса, продолжая жить своей жизнью, – их ждали занятия, репетиции и встречи клубов. Я тоже вышла из класса, но существовала отдельно от них. Они остались прежними, но я изменилась. Я теперь не была человеком. Я стала беспредельна. Пока они, обычные и приземленные, шли по кампусу, я парила, оставляя позади кленово-рыжий хвост кометы. Я больше не была собой, не была никем. Я была красным шариком, повисшим на суку. Абсолютной пустотой.

2017

Я НА РАБОТЕ, ПЯЛЮСЬ В ВИТРИНУ ЧЕРЕЗ ЛОББИ ОТЕЛЯ, и тут приходит сообщение от Айры. Мое тело застывает, пока я наблюдаю, как на экране телефона скапливаются уведомления. С нашего прошлого разрыва его номер записан у меня как «НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО».

«Как дела?»

«Я думал о тебе».

«Выпить не хочешь?»

Я не прикасаюсь к телефону. Не хочу, чтобы он узнал, что я видела сообщения. Однако, пока я советую постояльцам, в какой ресторан сходить, бронирую столики, говорю каждому гостю, как я рада услужить, одно удовольствие, в животе у меня разгорается маленький пожар. Прошло три месяца с тех пор, как Айра сказал, что нам нужно расстаться навсегда, и на этот раз я вела себя хорошо. Не бродила рядом с его домом в надежде на случайную встречу, не звонила, не писала – даже по пьяни. И вот, думаю я, моя награда за самоконтроль.

Через два часа я пишу:

«Все ок. Выпить? Почему бы и нет».

Он сразу отвечает:

«Ты на работе? Я сейчас ужинаю с друзьями. Могу подождать и встретить тебя после работы».

Я дрожащими руками отправляю единственный эмодзи – большой палец, как будто мне лень даже напечатать: «договорились».

В полдвенадцатого, когда я выхожу из отеля, он дожидается меня, прислонившись к будке парковщика, и, ссутулившись, смотрит в телефон. Я сразу замечаю все перемены: стрижка покороче, модная одежда – черные узкие брюки и джинсовая куртка с дырками на локтях. При виде меня Айра подсакивает, прячет телефон в задний карман.

– Извини, что я так долго, – говорю я. – Тяжелый вечер.

Я держу сумку обеими руками, не зная, как с ним поздороваться, что разрешено.

– Все нормально, я только пришел. Хорошо выглядишь.

– Я выгляжу, как всегда, – говорю я.

– Ну, ты всегда хорошо выглядела. – Он распахивает мне объятия, но я качаю головой. Он слишком приветливо себя ведет. Если бы он хотел снова сойтись, то бы вел себя сдержанно и осторожно, как я.

– Ты выглядишь очень... – Я подыскиваю подходящее слово. – Понтово.

Я пыталась его поддразнить, но Айра только смеется и благодарит. Голос его звучит искренне.

Мы идем в новый бар с состаренными деревянными столами, железными стульями и пятистраничным пивным меню, распределенным на разделы по видам, странам изготовления и проценту алкоголя. Входя, я оглядываю помещение и задерживаю взгляд на каждой длинноволосой блондинке в поисках Тейлор Берч, хотя сомневаюсь, что узнала бы ее, даже очутись она прямо передо мной. В последние пару недель я видела на улице женщин, которых уверенно принимала за нее, но всякий раз они оказывались просто незнакомками с лицами, совсем не похожими на Тейлор.

– Ванесса? – Айра дотрагивается до моего плеча, и я вздрагиваю, будто забыла, что он здесь. – Ты в порядке?

Я киваю, слегка улыбаюсь, сажусь на свободный стул.

Подходит официант и начинает тарабанить рекомендации, но я его перебиваю:

– Все это сбивает с толку. Принесите мне любое пиво, и оно мне понравится.

Я хотела пошутить, но вышло грубо; Айра смотрит на официанта, как бы говоря: «Простите за нее».

– Мы могли пойти в другое место, – говорит он мне.

– Тут нормально.

– Похоже, тебе здесь совсем не нравится.

– Мне нигде не нравится.

Официант приносит пиво: Айре кубок с чем-то темным и пахнущим вином, а мне – банку *Miller Lite*.

– Хотите кружку, – спрашивает официант, – или будете пить из банки?

– Из банки, мне нравится жечь. – Я улыбаюсь и показываю на жестяную банку, изо всех сил стараясь понравиться. Официант молча отходит к другому столу.

Айра пристально смотрит на меня:

– У тебя все в порядке? Скажи честно.

Я пожимаю плечами, отпиваю пива.

– Конечно.

– Я видел тот пост на Фейсбуке.

Я постукиваю по язычку банки ногтем. Тук-тук-тук.

– Какой пост?

Он хмурится:

– Про Стрейна. Ты правда не видела? Когда я в последний раз его открывал, репостов было тысячи две.

– Ах, этот.

На самом деле репостов почти три тысячи, хотя шумиха уже улеглась. Я делаю еще глоток, листаю пивное меню.

Айра мягко говорит:

– Я за тебя волновался.

– Зря. У меня все хорошо.

– Ты говорила с ним после того, как появился пост?

Я захлопываю меню.

– Нет.

Айра внимательно смотрит на меня.

– Правда?

– Правда.

Он спрашивает, уволят ли, по моему мнению, Стрейна, и я, отхлебывая пиво, пожимаю плечами. Откуда мне знать? Айра спрашивает, не думала ли я связаться с Тейлор, и я не отвечаю, только постукиваю по язычку банки. Отдаваясь в полупустой банке, «тук-тук-тук» превращается в «бум-бум-бум».

– Знаю, тебе тяжело, – говорит он. – Но этот пост может стать для тебя удачной возможностью. Шансом смириться с тем, что случилось, и начать жизнь с нового листа.

Я заставляю себя продолжать дышать. «Смириться и начать жизнь с нового листа» – звучит, как «броситься со скалы и умереть».

– Можно мы сменим тему? – спрашиваю я.

– Без проблем. Конечно.

Айра спрашивает о моей работе, по-прежнему ли я ищу новое место. Рассказывает, что нашел квартиру в Манджой-Хилл, и у меня екает сердце. На секунду у меня возникает иллюзия, будто он предложит мне съехаться. Отличная квартира, говорит он. Очень просторная. В кухне помещается стол, спальня выходит на океан. Я ожидаю, что Айра хотя бы пригласит меня в гости, но тот только поднимает свой стакан.

– Раз она такая классная, то, наверное, дорогая, – говорю я. – Откуда у тебя столько денег?
Глотая, Айра поджимает губы:

– Мне подфартило.

Я рассчитываю, что мы продолжим пить – обычно мы пьем и пьем, пока один из нас не наберется храбрости, чтобы спросить: «Так ты едешь ко мне или как?» – но, прежде чем я успеваю заказать второе пиво, Айра протягивает официанту кредитку, давая понять, что вечер окончен. Мне словно вlepили пощечину.

Когда мы вместе выходим из бара на холод, он спрашивает, продолжаю ли я ходить к Руби, и я радуюсь, что хоть на один вопрос могу дать честный ответ, который его устроит.

– Рад это слышать, – говорит Айра. – Это для тебя лучше всего.

Я пытаюсь улыбнуться, но мне не нравится, как он говорит «для тебя лучше всего». Это будит слишком много воспоминаний – как он говорил, что его беспокоит, что я романтизирую надругательства и продолжаю общаться со своим растлителем. Айра с самого начала утверждал, что мне нужна помощь. Через шесть месяцев отношений он дал мне список психотерапевтов, которых выбрал сам, умолял меня к кому-то из них обратиться. Я отказалась, и тогда Айра заявил, что если бы я его любила, то последовала бы его совету; я ответила, что если бы он меня любил, то оставил бы эту тему. Спустя год он попытался поставить ультиматум: либо я обращаюсь к психотерапевту, либо мы расстаемся. Меня не переубедило даже это; сдаться пришлось ему. Так что, когда я пошла к Руби, хотя только чтобы обсуждать папу, Айра возликовал. «Главное, что ты это сделала, Ванесса», – сказал он.

– И что обо всем этом думает Руби? – спрашивает он.

– В смысле?

– О посте в Фейсбуке, о том, что он сделал с этой девушкой...

– А. Вообще-то мы это не обсуждаем. – Я обвожу взглядом кирпичную кладку тротуара в свете фонарей, клубящийся над водой туман.

Следующие два квартала Айра молчит. Мы доходим до Конгресс-стрит, где мне нужно повернуть налево, а ему направо; у меня в груди ноет от желания позвать его домой, хотя я вовсе не настолько пьяна, а полчаса с ним уже заставили меня себя возненавидеть. Я просто хочу, чтобы ко мне кто-то прикоснулся.

Айра говорит:

– Ты ей не сказала.

– Сказала.

Он склоняет голову набок, прищуривается:

– Да что ты! Ты сказала своему психотерапевту, что человека, совратившего тебя в детстве, обвиняет в домогательствах другая девушка, и вы это не обсуждаете? Я тебя умоляю.

Я пожимаю плечами:

– Для меня это не так уж важно.

– Ну конечно.

– И он меня не соврашал.

Ноздри Айры раздуваются, взгляд становится жестким – знакомая вспышка бессильной досады. Он поворачивается, словно собираясь пойти прочь – лучше уйти, чем сорваться на меня, – но потом возвращается.

– Она вообще о нем знает?

– Я хожу к психотерапевту не для того, чтобы это обсуждать, ясно? Я хожу из-за папы.

Полночь. В соборе звонят далекие колокола, светофор вместо красного-желтого-зеленого начинает мигать желтым, Айра качает головой. Я вызываю у него отвращение. Я знаю, что он думает: я прощаю извращенца, потакаю ему. Так подумал бы любой. Как бы там ни было, я защищаю не только Стрейна, но и себя. Потому что, хотя иногда я и сама описываю кое-что из того, что со мной случилось, словом «совращение», в чужих устах оно звучит мерзко

и слишком однобоко. Оно поглощает все, что произошло. Поглощает меня и все те разы, когда я хотела этого, умоляла об этом. Прямо как законы, сводящие весь секс, который был у нас со Стрейном до моего восемнадцатилетия, к юридическому изнасилованию; и мы должны поверить, что этот день рождения – волшебный? Это такая же произвольная веха, как любая другая. Разве не логично, что некоторые девушки созревают раньше?

– Знаешь, – говорит Айра, – в последние несколько недель, когда все это показывали в новостях, я думал только о тебе. Я за тебя волновался.

Приближаются фары – ярче и ярче – и скользят по нас, когда машина сворачивает за угол.

– Я думал, тебя расстроит то, что написала эта девушка, но тебе как будто все равно.

– А почему меня должно это расстроить?

– Потому что он делал то же самое с тобой! – орет он.

Его крик эхом отскакивает от зданий. Айра втягивает в себя воздух и смотрит себе под ноги. Ему стыдно, что он потерял самообладание. Никто не доводил его так, как я. Раньше он все время это повторял.

– Айра, не стоит так переживать, – говорю я.

Он презрительно фыркает, смеется.

– Поверь, я в курсе.

– Мне не нужна твоя помощь. Ты этого не понимаешь. Никогда не понимал.

Он запрокидывает голову.

– Ну, это был последний раз. Больше и пытаться не стану.

Айра отворачивается и идет прочь, я кричу ему вслед:

– Она лжет!

Он останавливается, оглядывается.

– Я про девушку, которая написала пост. Все это вранье.

Я жду, но Айра не отвечает, не шевелится. Снова приближаются и пролетают мимо фары.

– Ты мне веришь? – спрашиваю я.

Айра качает головой, но без злости. Ему меня жаль. Это еще хуже его беспокойства, хуже всего.

– Ванесса, когда до тебя наконец дойдет? – спрашивает он.

Шагая по Конгресс-стрит к холму, он вдруг бросает через плечо:

– Кстати, насчет новой квартиры. Я могу ее себе позволить, потому что у меня новые отношения. Мы вместе снимаем.

Он пятится и следит за моим лицом, но я не выдаю эмоций. Я сглатываю горящим горлом и моргаю так быстро, что Айра размывается в тень, в туман.

В полдень меня будит рингтон, который я установила на номер Стрейна. Звук проникает в мой сон – позвякивающая мелодия музыкальной шкатулки вытягивает меня из дремоты так мягко, что я отвечаю на звонок, еще не до конца проснувшись.

– Сегодня у них совещание, – говорит он. – Решают, что со мной делать.

Я смаргиваю сон; мой заторможенный ум не сразу понимает, о ком он.

– Школа?

– Я знаю, что будет, – продолжает Стрейн. – Я преподавал там тридцать лет, а они выбрасывают меня, как мусор. Поскорее бы все это закончилось.

– Ну, они чудовища.

– Я бы не стал выражаться так однозначно. У них связаны руки. Если в этой истории и есть что-то чудовищное, так это небылица, которую выдумала эта как-ее-там. Ей удалось сформулировать достаточно расплывчатое обвинение, чтобы оно казалось жутким. Какой-то проклятый фильм ужасов.

– Больше похоже на Кафку, – говорю я и слышу, как он улыбается.

– Пожалуй, ты права.

– Значит, у тебя сегодня нет уроков?

– Нет, мне запретили появляться в кампусе, пока они не примут решение. Чувствую себя преступником. – Он шумно выдыхает. – Слушай, я в Портленде. Можем увидеться?

– Ты здесь? – Я выбираюсь из постели и бегу по коридору в ванную.

У меня сводит живот, когда я вижу себя в зеркале, вижу мелкие морщинки вокруг рта и под глазами, которые, кажется, появились, как только мне исполнилось тридцать.

– Ты живешь в той же квартире? – спрашивает он.

– Нет, я переехала. Пять лет назад.

Секундная тишина.

– Подскажешь, как добраться?

Я вспоминаю о тарелках с засохшими объедками в мойке, переполненной мусорной корзине, застарелой грязи. Представляю себе, как он зайдет ко мне в спальню и увидит кучи грязного белья, ряд пустых бутылок рядом с матрасом, мой вечный бардак.

«Тебе пора образумиться, – скажет он. – Ванесса, тебе тридцать два года».

– Может, лучше встретимся в кофейне? – спрашиваю я.

Он сидит за угловым столиком, и сначала я с трудом узнаю этого грузного старика, стиснувшего в ладонях кружку. Я направляюсь к нему, срезая путь через очередь к кассе и обходя стулья, и тут он замечает меня и поднимается со своего места. И тогда сомнений не остается – эта надежная, цельная гора ростом шесть футов и четыре дюйма мне так знакома, что мое тело берет верх, заключает его в объятия и хватается за его куртку, пытаюсь прижаться к нему как можно крепче. Сливаясь с ним, я чувствую то же, что и в пятнадцать лет, – запах кофе и меловой крошки. Моя голова едва доходит ему до плеча.

Когда Стрейн отпускает меня, в глазах у него стоят слезы. Он смущенно поднимает очки на лоб и вытирает щеки.

– Извини, – говорит он. – Знаю, меньше всего тебе нужно возиться с рыдающим стариком. Просто при виде тебя... – умолкнув, он вглядывается в мое лицо.

– Все нормально, – говорю я. – Ты в порядке.

Мои глаза тоже наполняются слезами.

Мы садимся друг напротив друга, как обыкновенные люди – старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки. Он выглядит удручающе постаревшим: весь седой, не только волосы, а даже кожа и глаза. Борода исчезла. Впервые я вижу его гладко выбритым. На ее месте брыли, на которые я без рвотных позывов смотреть не могу. Они висят, как медузы, утягивают вниз все его лицо. Это шокирующая перемена. С нашей последней встречи прошло пять лет – достаточно, чтобы его лицо разрушил возраст, но я представляю, что это случилось после поста Тейлор. Вроде мифа о людях, которые от горя седеют за одну ночь. Я холодею от внезапной мысли: это может его сломать. Может его убить.

Я качаю головой, чтобы отогнать эту мысль, и скорее самой себе, чем ему, говорю:

– Все это еще может кончиться благополучно.

– Может, – соглашается он. – Но не кончится.

– Даже если тебя вытурят, что в этом такого страшного? Это все равно что выйти на пенсию. Продашь дом, уедешь из Норумбеги. Ты не думал вернуться в Монтану?

– Не хочу, – говорит он. – Моя жизнь здесь.

– Ты мог бы попутешествовать, устроить себе настоящий отпуск.

– Отпуск! – фыркает он. – Ради бога. Что бы ни случилось дальше, мое имя опорочено, репутация испорчена.

– Со временем все образуется.

– Не образуется. – Его взгляд на миг становится таким жестким, что я не решаюсь возразить. Хотя я знаю, о чем говорю, ведь меня когда-то тоже оттуда выгнали.

– Ванесса... – Он наклоняется ко мне через стол. – Ты сказала, что несколько недель назад та девушка тебе написала. Ты точно не ответила?

Я пристально смотрю на него:

– Да, точно.

– Не знаю, продолжаешь ли ты ходить к психиатру. – Он закусывает губу, оставляя вопрос невысказанным.

Я начинаю поправлять его – она психотерапевт, а не психиатр, – но знаю, что это не важно, не в этом суть.

– Она не в курсе. Я не рассказываю ей о тебе.

– Окей, – говорит он. – Хорошо. И еще, я тут пытался найти твой старый блог...

– Его больше нет. Я удалила его много лет назад. К чему этот допрос?

– Никто, кроме этой девушки, не пытался с тобой связаться?

– Кто, например? Школа?

– Не знаю. Я просто хочу убедиться...

– Думаешь, они попытаются впутать меня?

– Понятия не имею. Мне ничего не говорят.

– Но, по-твоему, они...

– Ванесса.

Мой рот захлопывается.

Он делает вдох и, повесив голову, медленно продолжает:

– Я не знаю, что они собираются делать. Я просто хочу убедиться, что нет никаких дополнительных очагов, которые нужно потушить. Убедиться, что твое решение... – Он подыскивает подходящее слово: – Непоколебимо.

– Непоколебимо, – повторяю я.

Он кивает, не отводя от меня взгляда. В глазах его стоит вопрос, который он не осмеливается задать вслух: хватит ли у меня сил, чтобы выдержать все, что может случиться.

– Можешь на меня положиться, – говорю я.

Он улыбается. От благодарности его лицо смягчается. От него исходит облегчение: плечи расслабляются, взгляд блуждает по кофейне.

– Ну а как ты вообще? – спрашивает он. – Как держится твоя мама?

Я пожимаю плечами: обсуждая с ним маму, я всегда чувствую себя предательницей.

– Ты еще встречаешься с тем мальчиком?

Он имеет в виду Айру. Я качаю головой, и Стрейн без удивления кивает, похлопывает меня по руке.

– Он тебе не подходил.

Мы молча сидим под звон тарелок, шипение и жужжание кофемашины, оглушительный стук моего сердца. Годами я воображала, как снова окажусь рядом с ним, но теперь, когда это произошло, я отстраненна и словно наблюдаю за нами из-за стола в другом конце кофейни. Как-то неправильно, что мы можем разговаривать друг с другом, как нормальные люди, что он может смотреть на меня, не рухнув на колени.

– Есть хочешь? – спрашивает он. – Можем перекусить.

Я мнусь, проверяю на телефоне время, и он замечает мой черный костюм и золотой бейдж.

– А, трудовая пчелка, – говорит он. – Насколько я понимаю, ты все работаешь в том же отеле.

– Я могу отпроситься.

– Нет, не надо. – Моментально помрачнев, он откидывается на стуле.

Я знаю, что не так: я должна была уцепиться за его предложение, не раздумывая сказать да. Сомневаться было ошибкой, а с ним одной ошибки достаточно, чтобы все разрушить.

– Я могу постараться освободиться пораньше, – говорю я. – Можем вместе поужинать. Он отмахивается:

– Все в порядке.

– Ты мог бы остаться на ночь.

При этих словах он замирает. Обдумывая предложение, он шарит глазами по моему лицу. Интересно, вспоминает ли он меня пятнадцатилетней? Или думает про тот последний раз, когда мы пробовали, – пять лет назад, у него дома, в его постели с фланелевым бельем? Мы попытались воссоздать наш первый раз: я в тонкой пижамке, свет приглушен. Тогда у нас ничего не вышло. У него не стоял; я была слишком старая. Потом я расплакалась в ванной, включив воду и зажимая рот рукой. Когда я вышла, Стрейн уже был одет и сидел в гостиной. Мы никогда это не обсуждали и с тех пор ограничивались общением по телефону.

– Нет, – мягко говорит он. – Нет, мне нужно возвращаться домой.

– Хорошо. – Я встаю со стула так резко, что он скрипит об пол, как ногти по доске. Мои ногти по его доске.

Он смотрит, как я просовываю руки в рукава куртки и вешаю сумку на плечо.

– Сколько уже ты там работаешь?

Я пожимаю плечами. Мой мозг застрял на воспоминании о его пальцах у меня во рту, меловой крошке у меня на языке.

– Не знаю, – тихо говорю я. – Давно.

– Слишком давно. Ты должна любить свое дело. Не соглашайся на меньшее.

– Все нормально. Это работа.

– Но ты создана для большего. Ты была такой смышленной. Гениальной. Я думал, к двадцати годам ты уже опубликуешь роман, завоеешь мир. Ты в последнее время не пыталась писать?

Я качаю головой.

– Боже, какая жалость. Мне бы хотелось, чтобы ты писала.

Я поджимаю губы:

– Извини, что разочаровала.

– Ну же, перестань. – Он встает, берет мое лицо в ладони и, пытаясь меня успокоить, понижает голос до полусшепота: – Скоро я приеду к тебе в гости. Обещаю.

На прощание мы сдержанно чмокаем друг друга в щеки. Бариста за стойкой продолжает пересчитывать наличные из банки для чаевых, старик у окна продолжает разгадывать кроссворд. Раньше его поцелуй порождал волну слухов, разносившихся, как лесной пожар. Теперь, когда мы прикасаемся друг к другу, мир этого даже не замечает. Я знаю, что должна бы вздохнуть свободней, но чувствую только утрату.

Придя домой после работы, я ложусь в постель с телефоном и перечитываю сообщение, которое прислала мне Тейлор Берч, прежде чем опубликовать свои обвинения против Стрейна:

«Привет, Ванесса. Не уверена, что ты что-то обо мне знаешь, но мы с тобой находимся в странном положении: нас связывает одинаковый опыт, который травмировал как меня, так и, полагаю, тебя».

Закрыв окно переписки, я захожу на ее страницу, но новых постов нет, так что я прокручиваю ее старые фото. Вот она в отпуске в Сан-Франциско, вот ест большой буррито, вот селфи на фоне моста Золотые Ворота, вот она в своей квартире: продавленный бархатный диван, блестящий паркет, пышные растения в горшках. Я прокручиваю дальше назад: она в шапочке-киске с Женского марша; ест пончик размером с собственную голову; позирует с друзьями в баре на фото под названием «Встреча выпускников Броувика!».

Я захожу на собственную страницу, пытаюсь увидеть себя ее глазами. Я знаю, что она за мной следит; год назад она лайкнула одну из моих фоток – случайно дважды шелкнула

курсором и сразу отменила, но я все равно увидела уведомление. Я сделала снимок экрана и отправила его Стрейну, подписав: «Похоже, ее никак не отпустит», но тот не ответил. Жизнь соцсетей и мое самодовольное ликование из-за того, что шпионка спалилась, его не заинтересовали. А может, он даже не понял, о чем я. Иногда я забываю, сколько ему лет; раньше я думала, что, когда я вырасту, наша разница в возрасте сгладится, но она все так же велика.

Идут часы, я копаюсь в телефоне: захожу в свои старые аккаунты на фотохостингах и прокручиваю снимки в прошлое, из 2017-го в 2010-й, из 2007-го в 2002-й – год, когда я впервые купила цифровой фотоаппарат, год, когда мне исполнилось семнадцать. Когда нужная мне фотосессия наконец загружается, у меня перехватывает дыхание: я с косичками, в сарафане и гольфах стою на фоне березовой рощи. На одной фотографии я поднимаю подол, выставляя напоказ бледные бедра. На другой – стоя спиной к объективу, оглядываюсь через плечо. Разрешение низкое, но фотографии все равно чудесные: березы – монохромный задник для моего сине-розового платья, медных волос.

Я открываю свою последнюю переписку со Стрейном, копирую и вставляю фотки в новое сообщение. «Кажется, эти я тебе еще не показывала. Мне здесь семнадцать».

Я знаю, что он наверняка давно лег спать, но все равно нажимаю «отправить» и смотрю, как доставляется сообщение. Я не смыкаю глаз до рассвета, листая фото своего юного лица и тела. Время от времени я проверяю, не изменился ли статус сообщения с «доставлено» на «прочитано». Есть шанс, что ночью он проснулся и в полусне взглянул на телефон, а там юная я – цифровой призрак. Не забывай ее.

Иногда мне кажется, что именно это я и делаю всякий раз, как звоню ему и пишу: пытаюсь настигнуть его, как призрак, затащить в прошлое, прошу снова рассказать мне, что произошло. Заставить меня понять это раз и навсегда. Потому что я застряла. Я не могу жить дальше.

2000

РАЗ В МЕСЯЦ ПО ПЯТНИЦАМ В СТОЛОВОЙ устраивали дискотеки. Столы выносили, свет приглушали – такое зрелище не редкость в любой старшей школе. Диски крутил нанятый диджей, посреди зала танцевала кучка людей, а застенчивые ребята, разделившись по половому признаку, жались к стенам. Приходил и кое-кто из учителей. Следя за порядком, они слонялись из стороны в сторону, держались на расстоянии и обращали на нас меньше внимания, чем друг на друга.

Эта дискотека была приурочена к Хеллоину, так что школьники надели маскарадные костюмы, а у дверей стояли два громадных ведра конфет. Большинство не особенно заморачивались: мальчики в джинсах и белых футболках называли себя Джеймсом Дином, девочки в плиссированных мини-юбках и с хвостиками называли себя Бритни Спирс, – но некоторые изрядно потрудились и не поленились закупиться в городе. Одна девочка расхаживала по столовой в костюме дракона с шипастыми крыльями и шлейфом из сине-зеленой чешуи, а за ней хвостом ходил ее парень – провонявший краской из баллончика рыцарь в картонных доспехах. Смеющийся мальчик в деловом костюме и резиновой маске Билла Клинтона размахивал перед носом у девочек фальшивой сигарой. Я же кое-как изобразила из себя кошку: черное платье, черные колготки, нарисованные усы и картонные уши, – сборы заняли десять минут. Я пришла, только чтобы увидеть мистера Стрейна. В тот вечер он выполнял обязанности дежурного.

Обычно я на танцы не ходила. Все в них вызывало у меня отвращение: плохая музыка, позорный диджей с козлиной бородкой и мелированием, ребята, притворяющиеся, будто не глазят на обжимающиеся парочки. Я заставляла себя терпеть, потому что прошла уже неделя. Целая неделя – с тех пор, как мистер Стрейн ко мне прикоснулся, с тех пор, как он положил ладонь мне на ногу и сказал, что видит, что мы похожи, что мы оба любим все мрачное. Что было потом? Ничего. Когда я отвечала на уроках, он опускал взгляд на стол, словно ему невыносимо было на меня смотреть. На встрече клуба писательского мастерства он собрал свои вещи и оставил нас с Джесси одних («Совещание», – объяснил он, но зачем ему на совещании куртка и портфель?), а потом, придя к нему на консультационный час, я обнаружила, что дверь заперта, а за текстурированным стеклом темно.

Так что мое терпение было на исходе; может, я даже была на грани отчаяния. Я хотела, чтобы что-нибудь произошло, а это казалось более вероятным на мероприятии вроде дискотеки, когда границы временно размываются, а ученики и учителя жмутся друг к другу в полутемном помещении. Мне было все равно, что именно произойдет, – еще одно прикосновение, комплимент. Это было не важно, мне просто требовалось понять, чего же он хочет, что все это значит и значит ли что-либо вообще.

Поклевывая мини-плитку шоколада, я наблюдала, как пары танцуют под медляк, покачиваясь, словно бутылки на волнах. В какой-то момент по залу пробежала Дженни в атласном платье, отдаленно похожем на кимоно. Из ее стянутых в узел волос торчали палочки для суши. На секунду мне показалось, что она направляется прямо ко мне, и я застыла. Шоколад таял у меня на языке. Но потом я заметила за ее спиной Тома, который, даже не попытавшись нарядиться, надел свою обычную одежду – джинсы и футболку с Бекком. Он дотронулся до ее плеча; Дженни отпрянула. Из-за слишком громкой музыки услышать мне ничего не удалось, но было очевидно, что они ругаются, и серьезно. У Дженни подрагивал подбородок, она зажмурилась. Когда Том кончиками пальцев прикоснулся к ее руке, она оттолкнула его так сильно, что он чуть не упал. Я впервые видела, как они ссорятся.

Я так засмотрелась, что только в последний момент заметила, как мистер Стрейн выскользнул за дверь. Я его чуть не упустила.

Когда я вышла на улицу, стояла кромешная, безлунная, почти ледяная ночь. Дверь с шелчком захлопнулась за моей спиной, изнутри доносились пульсирующие басы и далекий вокал. Я огляделась; мои руки покрылись мурашками, я искала его глазами, но передо мной были только тени деревьев, пустая лужайка. Я уже готова была признать поражение и вернуться в столовую, когда из-под сени высокой ели появилась фигура: это был мистер Стрейн в пуховом жилете, фланелевой рубашке и джинсах. Между пальцами он держал незажженную сигарету.

Не зная, как поступить, я не шевелилась. Я чувствовала, что он стесняется, что его застучали с сигаретой, и мое воображение взяло верх – я представила, как он тайком курит точно так же, как мой папа вечерами на озере; представила, что он хочет бросить и считает свою неспособность это сделать слабостью. Ему за это стыдно.

«Но, даже если ему стыдно, – подумала я, – он мог бы не выходить из укрытия. Мог просто дождаться, пока я уйду».

Он повертел сигарету между большим и указательным пальцами.

– Ты меня поймала.

– Я думала, вы уходите, – сказала я. – Хотела попроситься.

Он достал из кармана зажигалку и несколько раз подбросил ее на ладони. Взгляд его не отрывался от меня. С неожиданной ясностью я подумала: «Что-то случится», и, когда я пропиталась этой уверенностью, мое сердце замедлилось, плечи опустились.

Мистер Стрейн закурил и взмахом руки позвал меня обратно под ель. Та была огромной – наверное, самой высокой в кампусе, ее нижние ветви простирались высоко над нашими головами. Поначалу было так темно, что я видела только красный уголек сигареты, которую он подносил ко рту. Но потом мои глаза привыкли, и появился он, а еще еловые лапы над головой, рыжий ковер иголок у нас под ногами.

– Не кури, – сказал мистер Стрейн. – Это мерзкая привычка. – Он выдохнул, и мою голову заполнил запах табака.

Нас разделяло примерно пять футов. Это казалось таким опасным. Странно было даже думать, что мы часто находились куда ближе друг к другу.

– Но, наверное, приятная, – ответила я. – Иначе зачем это делать?

Он рассмеялся, снова затянулся.

– Пожалуй, ты права. – Оглядывая меня, он впервые заметил мой костюм. – Ты только глянь. Маленькая киска.

От потрясения, что он произнес это слово, хоть и не в сексуальном смысле, я залилась смехом. Но он не рассмеялся. Только смотрел на меня с дымящейся сигаретой в руке.

– Знаешь, что я хотел бы сейчас сделать? – спросил он. Его речь звучала плавнее обычного, и он покачивался, указывая на меня сигаретой. – Найти тебе большую кровать, подоткнуть тебе одеяло и поцеловать тебя на ночь.

На секунду мой мозг замкнуло, я помертвела. Миновали мгновения пустоты, помехи на экране, стена шума. Затем я рывком вернулась к жизни с резким, сдавленным звуком – не совсем смешком и не совсем всхлипом.

Дверь столовой открылась, из нее полилась танцевальная музыка. Перекрикивая шум, женский голос позвал:

– Джейк?

Момент оборвался. Мистер Стрейн повернулся, бросил сигарету, не затушив, и поспешил на голос. Я наблюдала, как дымятся опавшие иглы, пока он торопливо шагал к дверям, к мисс Томпсон.

– Вышел ненадолго подышать, – сказал он ей.

Вместе они скользнули внутрь. Меня скрывали еловые ветви – как и его, когда я только вышла на улицу. Мисс Томпсон меня не видела.

Я уперлась взглядом в дымящуюся сигарету, подумывая поднять ее и поднести к губам, но вместо этого затушила ее каблуком. Потом вернулась на танцы, отыскивала Дину Перкинс и Люси Саммерс, которые потягивали что-то из пластиковой бутылки для воды, комментируя костюмы всех присутствующих. Всего в нескольких футах от них стояли Стрейн и мисс Томпсон. Он не сводил с нее глаз. Дженни с Томом стояли бок о бок на краю танцпола: примирение состоялось. Она обняла его за плечи, зарылась лицом ему в шею. Этот жест показался мне таким интимным и взрослым, что я инстинктивно отвела взгляд.

Дина и Люси передавали друг другу пластиковую бутылку, в которой плескалась какая-то жидкость. Отхлебывая, Дина поймала мой взгляд:

– Чего?

– Дай попить, – попросила я.

Люси потянулась к бутылке.

– Извини, запасы ограничены.

– Если не дадите, я вас заложу.

– Заткнись.

Дина взмахнула рукой:

– Дай ей выпить.

Люси со вздохом протянула мне бутылку:

– Можешь *пригубить*.

Спиртное обожгло мне горло так сильно, что я от неожиданности зашлась кашлем. Так банально. Дина с Люси даже не пытались скрыть смех. Сунув им бутылку, я вылетела из столовой, мечтая, чтобы мистер Стрейн это заметил, чтобы он понял, почему я злюсь и чего я хочу. На улице я помедлила, проверяя, пойдет ли он за мной, но он так и не вышел – конечно, не вышел.

В общежитии было тихо и пусто. Двери в комнаты были закрыты, никто еще не вернулся с дискотеки.

Я уставилась на дверь в апартаменты мисс Томпсон в дальнем конце коридора. Если бы она его не позвала, что-то бы произошло. Он сказал, что хочет меня поцеловать; может, и поцеловал бы. Не снимая своего костюма, я подошла к двери мисс Томпсон. Скорее всего, прямо сейчас мистер Стрейн с ней шутит. Поздней ночью они, скорее всего, собирались пойти к нему и заняться сексом. Может, он даже расскажет ей обо мне, о том, как я вышла за ним на улицу, а он из вежливости сказал то, что сказал. «Она в тебя втрескалась», – поддразнила бы его мисс Томпсон. Словно все происходило только в моей голове и я сама это придумала на ровном месте.

Я схватила фломастер, прикрепленный к ее маркерной доске. Там еще оставались записи с прошлой недели: день и время собрания в общежитии, открытое приглашение на ужин со спагетти в ее апартаменты. Одним взмахом руки я стерла записи и огромными жирными буквами во всю доску написала: «СУКА».

Ночью после дискотеки выпал первый снег и тяжелым четырехдюймовым слоем укрыл кампус. В субботу утром мисс Томпсон собрала нас всех в комнате отдыха и попыталась выяснить, кто написал «сука» на ее двери.

– Я не злюсь, – заверила она. – Я просто не понимаю.

Сердце застучало у меня в висках. Я сидела, сцепив руки на коленях, и заставляла свои щеки не гореть.

После нескольких минут молчания мисс Томпсон сдалась.

– Мы можем спустить все на тормозах, – сказала она. – Но только на этот раз. Понятно?

Она кивнула, как бы подсказывая нам ответить «понятно». Возвращаясь наверх, я оглянулась и увидела, что она стоит посреди пустой комнаты, потирая лицо обеими руками.

В воскресенье днем я подошла к ее двери, и мой взгляд задержался на еще чуть заметной надписи «сука» на доске. Я почувствовала себя виноватой – не настолько, чтобы признаться, но достаточно, чтобы мне захотелось сделать ей что-то приятное. Мисс Томпсон открыла дверь в спортивных штанах и толстовке с надписью «Броувик», ее волосы были собраны в хвост. Она была без косметики, на щеках ее виднелись шрамы от акне. Интересно, видел ли ее такой мистер Стрейн.

– В чем дело? – спросила она.

– Можно я схожу с Мией погулять?

– Боже, она будет в восторге. – Мисс Томпсон оглянулась и позвала свою хаски, но та уже со всех ног неслась ко мне, наострив уши и распахнув голубые глаза, воодушевленная словом «погулять».

Пока я надевала на Мию шлейку и пристегивала поводок, мисс Томпсон напомнила, что скоро стемнеет.

– Мы далеко не пойдем, – сказала я.

– И не позволяй ей носиться.

– Знаю-знаю.

В последний раз, выгуливая Мию, я спустила ее с поводка поиграть, а она тут же кинулась в сад за корпусом искусств и вывалялась в удобрениях.

За ночь потеплело до десяти градусов, и снег уже растаял, оставив после себя топкую, скользкую землю. Мы двинулись по тропинке, выходящей вокруг спортивных полей, и я удлинила поводок, чтобы Мия могла все обнюхать и порезвиться, скача из стороны в сторону. Я любила Мию, это была самая красивая собака, которую я когда-либо видела. Шерсть у нее была такой густой, что, когда я чесала ей холку, пальцы исчезали в ней по второй сустав. Но больше всего я любила ее за то, что у нее был сложный характер. Властный. Если она не хотела что-то делать, то принималась недовольно выть. Мисс Томпсон говорила, что у меня, наверное, дар ладить с собаками, потому что Мие не нравился никто, кроме меня. Но собак легко было завоевать – гораздо легче, чем людей. Чтобы собака тебя полюбила, достаточно было хранить в кармане угощение и почесывать ее за ушами или по крестцу. Когда собака хочет, чтобы ее оставили в покое, она не станет играть в какие-то игры – она даст понять, что к чему.

У футбольного поля дорожка разделялась на три тропки поуже. Одна вела назад в кампус, другая в лес, а третья – в город. Хотя я обещала мисс Томпсон не уходить далеко, я выбрала третью тропинку.

Витрины центральных магазинов были украшены пластиковой осенней листвой и рогами изобилия, а в пекарне уже повесили рождественские фонарики. Миа тянула меня за собой, а я рассматривала свое отражение в каждом окне: двухсекундный проблеск волос, развевающихся вокруг моего лица, – может, красивого, но может, и уродливого. Дойдя до публичной библиотеки, я остановилась. Миа нетерпеливо оглянулась на меня, поблескивая белками голубых глаз, а я стояла неподвижно, вглядываясь в дом напротив. Его дом – должен быть его. Дом оказался меньше, чем я думала, с посеребристыми кедровыми дранками и темно-синей дверью. Миа робко подошла ко мне, уткнулась мне лбом в ноги. *Пойдем.*

Конечно, потому-то я и пошла этой дорогой. Вот почему я захотела погулять и попросила мисс Томпсон одолжить мне собаку. Я воображала, как пройду мимо, а он случайно окажется на улице, увидит меня и окликнет, спросит, почему я выгуливаю собаку мисс Томпсон. Мы бы немного поболтали на лужайке перед домом, а потом он пригласил бы меня зайти. Дальше моя фантазия выдыхалась, потому что, чем мы займемся дальше, зависело от его желаний, а о них я понятия не имела.

Но возле дома его не оказалось, и, кажется, внутри тоже. В окнах было темно, на подъездной дорожке не было машины. Он был где-то еще, жил своей жизнью, о которой я знала до бешенства мало.

Я повела Мию вверх по лестнице библиотеки. Нас никому не было видно, зато мы видели всю улицу. Я села и принялась скармливать ей кусочки бекона, которые стащила с салатной стойки в столовой; постепенно солнце зажглось оранжевым и стало клониться к закату. Может, он бы и не захотел звать меня к себе из-за собаки. Он ведь говорил, что их не любит, а я и забыла. Но он должен был хотя бы притвориться, что Мия ему нравится, если он чем-то занимался с мисс Томпсон, иначе как бы она с этим смирилась? Встречаться с мужчиной, который ненавидит твою собаку, – настоящее предательство.

Было уже почти темно, когда на подъездную дорожку свернул приземистый синий универсал. Двигатель выключился, дверца со стороны водителя открылась, и из машины вышел мистер Стрейн. Одет он был в джинсы и ту же фланелевую рубашку, в которой в пятницу был на дискотеке. Затаив дыхание, я наблюдала, как он перетаскивает пакеты с продуктами из багажника на крыльцо. У двери он принялся возиться с ключами, и тут Мия возмущенно взвыла, требуя добавки. Я дала ей сразу несколько кусков, и она торопливо их съела. Ее язык хлестал мне по ладони, пока я наблюдала, как окна домика загораются, когда мистер Стрейн переходит из одной комнаты в другую.

В понедельник я задержалась в классе после урока. Как только все разошлись, я закинула рюкзак на плечо и самым невозмутимым тоном спросила:

– Вы же напротив публичной библиотеки живете, да?

Сидящий за столом мистер Стрейн удивленно поднял на меня глаза.

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– Вы как-то об этом упоминали.

Под его изучающим взглядом мне все сложнее было изображать невозмутимость. Я поджала губы, пытаясь не нахмуриться.

– Что-то я такого не припоминаю, – сказал он.

– Тем не менее это так. Иначе откуда бы мне знать?

Мой голос прозвучал резко, зло, и я заметила, что мистер Стрейн немного опешил. В то же время вид у него был добродушный. Казалось, он умиляется моей досаде.

– Может, я туда ходила, – добавила я. – Знаете, чтобы оценить обстановку.

– Ясно.

– Вы злитесь?

– Вовсе нет. Я польщен.

– Я видела, как вы достаете продукты из машины.

– Правда? Когда?

– Вчера.

– Ты за мной наблюдала.

Я кивнула.

– Тебе надо было подойти и поздороваться.

Я прищурилась. Не такой реакции я ожидала.

– А вдруг бы меня кто-нибудь увидел?

Он улыбнулся, склонил голову набок.

– А что такого в том, чтобы подойти и поздороваться?

Я сжала челюсти и принялась тяжело дышать через нос. Его простодушие выглядело наигранным. Он как будто дразнил меня, прикидываясь дурачком.

Все еще улыбаясь, он откинулся на стуле, и при виде того, как он отклоняется назад, скрещивает руки, мерит меня взглядом, как какую-то забавную диковинку, внутри меня вспыхнул

такой сильный и внезапный гнев, что я сжала кулаки, чтобы не закричать, не схватить с его стола гарвардскую кружку и не запустить ею ему в лицо.

Я резко развернулась, вылетела из класса и понеслась по коридору прочь. Ярость не покидала меня до самого общежития, но стоило мне попасть к себе в комнату, как гнев исчез и осталось только ноющее желание увидеть смысл, мучившее меня уже несколько недель. Он сказал, что хочет меня поцеловать. Он ко мне *прикасался*. Теперь к каждому нашему разговору приешивалось что-то потенциально разрушительное, и с его стороны нечестно было делать вид, что это не так.

Я получила по геометрии двойку с плюсом за четверть. Когда миссис Антонова объявила об этом на нашем ежемесячном ужине в итальянском ресторане, все глаза устремились на меня. До меня не сразу дошло, что речь обо мне; мои мысли блуждали, я методично отрывала от ломтя хлеба кусочки и раскатывала их в пальцах.

– *Ванесса*, – сказала она, постучав костяшками по столу. – Двойка с плюсом.

Я подняла глаза и поймала на себе всеобщие взгляды. Миссис Антонова держала в руке листок бумаги – ее собственные отзывы.

– Значит, у меня теперь только один путь – наверх, – сказала я.

Миссис Антонова в упор посмотрела на меня поверх очков.

– Не факт, – сказала она. – Ты можешь провалить экзамен.

– Я не провалю.

– Тебе нужен план действий, нужен репетитор. Мы тебе его найдем.

Я сердито уставилась на стол, а она перешла к следующему подопечному. При мысли о репетиторе у меня свело живот, потому что занятия с репетиторами проходили в консультационный час, а значит, мне предстояло проводить меньше времени с мистером Стрейном. Кайл Гуинн сочувственно улыбнулся мне, получив похожую новость по поводу своей оценки по испанскому, и я съехала на стуле так низко, что почти подпирала подбородком стол.

Когда я вернулась в кампус, в комнате отдыха «Гулда» было полно народу. По телику передавали результаты выборов. Втиснувшись на один из диванов, я стала смотреть, как по мере закрытия участков штаты делились на две колонки. «Вермонт за Гора, – сказал ведущий. – Кентукки за Буша». Когда на экране мелькнул Ральф Нейдер, Дина с Люси захлопали, а когда появился Буш, все заулюлюкали. Все указывало на то, что победит Гор, но в десять объявили, что Флориду возвращают в «неопределившуюся» колонку, и меня так все это достало, что я сдалась и ушла спать.

Сначала все шутили, что выборы никогда не закончатся, но, когда во Флориде полным ходом начался пересчет голосов, стало не до смеха. Обычно мистер Шелдон целыми днями сидел, водрузив ноги на стол, но теперь он внезапно ожил и принялся рисовать на доске разрастающуюся паутину, пытаясь проиллюстрировать, сколько опасностей угрожает демократии.

На американской литературе мы читали «Там, где течет река», и мистер Стрейн рассказывал о своем детстве в Монтане: ранчо, настоящие ковбои, медведи гризли, раздиравшие собак, высокие горы, заслонявшие солнце. Я пыталась представить его мальчишкой, но не могла вообразить, как он выглядит без бороды. После «Там, где течет река» мы начали проходить Роберта Фроста, и мистер Стрейн по памяти прочел нам «Другую дорогу». По его словам, стихотворение не должно было нас воодушевлять и многие неверно понимали его смысл. Поэт не призывает идти против течения, скорее с иронией признает тщетность любого выбора. Поверив, будто жизнь предлагает бесконечные возможности, мы закрываем глаза на страшную правду:

жизнь – это всего лишь движение сквозь время под внутренний обратный отсчет, ведущий к последнему фатальному мгновению.

– Мы рождаемся, живем, умираем, – говорил учитель. – А все решения, которые мы принимаем в промежутке, все проблемы, над которыми мы ломаем головы изо дня в день, в конечном итоге ничего не значат.

Возразить не пытался никто, даже Ханна Левек – очень верующая католичка, которая, по идее, считала, что наши решения в конечном итоге значат очень даже много. Она только потрясенно тарасилась на него, приоткрыв рот.

Раздав нам распечатки другого стихотворения Фроста, «Заложенное в семени», мистер Стрейн велел нам прочесть его про себя, а когда мы закончили, попросил перечитать его снова.

– Только на этот раз, – сказал он, – я хочу, чтобы, читая, вы думали о сексе.

Прошло мгновение, прежде чем все осознали его слова, прежде чем нахмуренные лбы уступили место пунцовым щекам; и мистер Стрейн с улыбкой наблюдал за нашим явным смущением.

Только вот я не смутилась. Упоминание секса хлестнуло меня по лицу, и жар разлился по моему телу. Может, он это сделал ради меня. Может, это его следующий ход.

– Вы хотите сказать, что это стихотворение – о сексе? – спросила Дженни.

– Я хочу сказать, что оно заслуживает внимательного и непредвзятого прочтения, – ответил мистер Стрейн. – И давайте будем честны: я прошу вас подумать на тему, мыслям о которой вы и без того посвящаете значительную часть своего времени. А теперь за дело. – Он хлопнул в ладоши, давая нам знак начинать.

Перечитывая стихотворение с мыслями о сексе, я и правда заметила то, чего не видела раньше: упоминание нежных лепестков, гладкого зерна и сморщенного гороха, финальный образ изогнутой спины. Даже сама фраза «заложенное в семени» выглядела откровенно дву-
смысленной.

– Что скажете теперь? – Мистер Стрейн стоял спиной к доске, выставив одну ногу перед другой. Мы ничего не говорили, но наше молчание только доказывало, что он прав и стихотворение все-таки о сексе.

Дождаясь ответа, он обводил глазами класс и, кажется, смотрел на всех, кроме меня. Том набрал в грудь воздуха, собираясь заговорить, но тут прозвенел звонок, и мистер Стрейн с разочарованным видом покачал головой.

– Какие вы все пуритане, – сказал он, отпуская нас взмахом руки.

Когда мы вышли в коридор, Том спросил:

– Это что за херня сейчас была?

С самоуверенно-авторитетным видом, от которого я так и вскипела, Дженни ответила:

– Он ужасный женоненавистник. Сестра меня насчет него предупреждала.

После уроков Джесси не пришел на встречу клуба писательского мастерства. В аудитории были только я и мистер Стрейн, и она казалась мне огромной. Я сидела за партой, он – за своим столом. Мы смотрели друг на друга через бескрайний континент.

– Сегодня мне нечего тебе поручить, – сказал он. – Литжурнал в отличной форме. Когда появится Джесси, сможем начать редактуру.

– Мне уйти?

– Если хочешь, можешь остаться.

Конечно, я хотела остаться. Я достала из рюкзака блокнот и открыла стихотворение, которое начала прошлым вечером.

– Что скажешь о сегодняшнем уроке? – спросил он.

Сквозь оголившийся до скелета клен в класс пробивалось низкое солнце. Мистер Стрейн маячил тенью за своим столом.

Прежде чем я успела ответить, он добавил:

– Я спрашиваю, потому что видел твое лицо. Ты выглядела, как испуганный олененок. Я ожидал, что остальные будут шокированы, но не ты.

Значит, он все-таки на меня смотрел. Шокированы. Я вспомнила, как Дженни назвала его женоненавистником. Какой узколобой обывательницей она себя показала. Я вот совсем не такая. И, надеюсь, никогда такой не стану.

– Вы меня не шокировали. Мне урок понравился. – Я прикрыла глаза рукой, чтобы разглядеть его лицо, его нежно-снисходительную улыбку. Этой улыбки я не видела несколько недель.

– Какое облегчение, – ответил он. – Я уже начал было подумывать, что ошибся насчет тебя.

При мысли, что я чуть не совершила серьезный промах, у меня перехватило дыхание. Один неправильный шаг с моей стороны мог все разрушить.

Мистер Стрейн выдвинул нижний ящик стола, достал оттуда книгу, и я по-собачьи наострила уши. Условный рефлекс Павлова – мы проходили его по факультативной психологии прошлой весной.

– Это мне? – спросила я.

Он сделал неуверенное лицо.

– Если я тебе ее одолжу, ты должна пообещать, что никому не расскажешь, кто тебе ее дал.

Я вытянула шею и попыталась прочитать название.

– Она что, незаконная какая-то?

Он рассмеялся – по-настоящему рассмеялся, как когда я назвала Сильвию Плат эгоцентричной.

– Ванесса, как ты вечно умудряешься найти идеальный ответ на то, чего не понимаешь? Я насупилась. Мне не понравилось, что он думает, будто я чего-то не понимаю.

– Что это за книга?

Мистер Стрейн подошел ко мне, держа книгу так, что обложки по-прежнему не было видно. Я схватила ее, как только он положил ее на стол. Перевернув книгу, я увидела на мягкой обложке худенькие ноги в коротких носках и двухцветных ботинках, плиссированную юбку, из-под которой торчали костлявые колени. Большие буквы поверх ног: «Лолита». Это слово мне уже где-то встречалось – кажется, в статье о Фионе Эппл, где ее называли «лолитоподобной», то есть сексуальной и слишком молодой. Теперь я понимала, почему мистер Стрейн рассмеялся, когда я спросила, не запрещена ли эта книга.

– Это не поэзия, – сказал он, – а поэтическая проза. По крайней мере, слог ты точно оценишь по достоинству.

Перевернув книгу и пробега глазами аннотацию, я чувствовала на себе его взгляд. Очевидно, это была очередная проверка.

– Выглядит интересно. – Я бросила роман в рюкзак и вернулась к своему блокноту. – Спасибо.

– Потом расскажешь, что думаешь.

– Расскажу.

– Если тебя с ней поймают, я тут ни при чем.

Закатив глаза, я сказала:

– Я умею хранить секреты.

Это была не совсем правда – до него у меня никогда не было настоящих секретов, – но я знала, что ему нужно услышать. Как он сказал, у меня всегда был готов идеальный ответ.

Каникулы на День благодарения. Пять дней, в течение которых я принимала душ, пока не заканчивалась горячая вода, разглядывала себя в зеркале в полный рост на двери моей спальни, выщипывала брови, пока мама не спрятала щипчики, и пыталась заставить щенка полюбить меня так же сильно, как папу. Каждый день я в ярко-оранжевом жилете взбиралась по нависающему над озером гранитному утесу. Его покрывали оспины пещер, широкие расщелины, где гнездились соколы и прятались звери.

В самой большой пещере стояла брошенная каким-то давним скалолазом армейская раскладушка. Она была здесь столько, сколько я себя помнила. Разглядывая металлический остов и прогнившую парусину, я вспоминала первый день занятий, когда мистер Стрейн сказал, что знает Уэйлсбек-Лейк, что он бывал здесь. Я представляла, как он находит меня тут одну среди лесов. Он мог бы сделать со мной все, что захочет, и никто бы его не поймал.

По вечерам я читала в постели «Лолиту», рассеянно поедая крекеры и заслонив обложку подушкой, на случай, если войдут родители. Оконное стекло дребезжало от ветра, а я переворачивала страницы и ощущала внутри жжение, горячие угли, раскаленную золу. Дело было не только в сюжете – истории про обычную с виду девочку, внутри которой скрывался беспощадный демон, и влюбленного в нее мужчину. Дело было в том, что эту книгу мне дал он. Теперь наши действия представляли в совсем новом контексте, я по-новому поняла, чего он может от меня хотеть. Какой вывод можно было сделать, кроме очевидного? Он – Гумберт, я – Долорес.

День благодарения мы отмечали в гостях у бабушки с дедушкой в Миллинокете. С 1975-го года их дом совсем не изменился: ворсистый ковер, часы в виде солнца, а в воздухе, несмотря на запекающуюся в духовке индейку, витал запах сигарет и кофейного бренди. Дедушка подарил мне пачку вафель *Nesco* и пятидолларовую купюру; бабушка спросила, не поправилась ли я. Мы ели корнеплоды и покупные булочки, лимонный пирог с коричневыми пиками меренги, которые папа подьедал, пока никто не смотрел.

По дороге домой машину подбрасывало на выбоинах и вспучившемся от мороза асфальте, по обеим сторонам тянулись бесконечные стены крошечно-черных лесов. По радио крутили хиты семидесятых и восьмидесятых, папа постукивал по рулю в такт песне «*My Sharona*», а мама спала, прислонив голову к окну. «*Such a dirty mind / I always get it up for the touch of the younger kind*»². Я смотрела, как ритмично постукивали его пальцы, когда в очередной раз начинался припев. Он хоть слышал, о чем эта песня, чему он подпевал? «*Get it up for the touch of the younger kind*». Это сводило меня с ума: я видела то, чего остальные словно бы не замечали.

Вернувшись в школу после каникул, я ужинала за пустым концом длинного стола. За несколько стульев от меня Люси с Диной сплетничали о какой-то популярной девушке-старшекласснице, которая якобы пришла на хеллоуинскую дискотеку под наркотой. Обри Дана спросила, под какой наркотой.

Дина, поколебавшись, ответила:

– Под коксом.

Обри покачала головой.

– Ни у кого здесь нет кокса, – сказала она.

Дина не стала спорить; Обри была из Нью-Йорка, а потому обладала авторитетом.

Прошла минута, прежде чем я поняла, что речь идет о кокаине, а не о газировке. Обычно в таких случаях я чувствовала себя деревенщиной, но сейчас их сплетни показались мне жалкими. Какая разница, что кто-то пришел на дискотеку под наркотой? Неужели больше обсудить нечего? Я уставилась на свой сэндвич с арахисовым маслом и отрешилась от действительности,

---

² «Такие грязные мыслишки / Меня всегда заводят прикосновения девочек помладше» (англ.).

провалившись в концовку «Лолиты», которую только что перечитала, – последнюю сцену, где предстает потрясенный, залитый кровью Гумберт, по-прежнему влюбленный в Ло, даже после того, как она принесла ему столько боли, а он принес столько боли ей. Его чувства к ней были бесконечны и неподвластны его воле. А как иначе, когда его за них демонизирует весь мир? Если бы он мог ее разлюбить, он бы это сделал. Его жизнь была бы намного легче, если бы он оставил ее в покое.

Покусывая корку сэндвича, я пыталась увидеть ситуацию с точки зрения мистера Стрейна. Скорее всего, он напуган – нет, он в ужасе. Поглощенная собственными досадой и нетерпением, я никогда не задумывалась, как высоки ставки для него и скольким он уже рискнул, погладив меня по ноге, сказав, что хочет меня поцеловать. Он не знал, как я на все этоотреагирую. Что, если бы я оскорбилась, пожаловалась на него? Возможно, все это время он вел себя смело, а я была эгоисткой.

Ведь чем я, по большому счету, рисковала? Если бы я сделала шаг к нему, а он бы меня отверг, мне не грозило бы ничего, кроме небольшого унижения. Подумаешь. Моя жизнь пошла бы своим чередом. Несправедливо было ожидать, что он подставится еще больше. По меньшей мере я должна пойти ему навстречу, показать, чего я хочу и что я готова к тому, что мир будет демонизировать и меня.

Позже у себя в комнате я лежала в постели и листала «Лолиту», пока не нашла на семнадцатой странице строчку, которую искала. Гумберт описывал качества нимфетки в толпе обыкновенных девочек: «Она-то, нимфетка, стоит среди них, неузнанная и сама не чующая своей баснословной власти».

Я обладала властью. Властью сделать так, чтобы это случилось. Властью над ним. Какой идиоткой я была, что не осознала это раньше.

Перед американской литературой я зашла в туалет, чтобы взглянуть на свое накрашенное лицо. Утром я нанесла на себя всю косметику, которая у меня была, а прическу сделала не посередине, а сбоку. Перемен хватило, чтобы лицо в зеркале показалось незнакомым – передо мной стояла девушка из журнала или клипа. Бритни Спирс, постукивающая ногой по парте в ожидании звонка. Чем дольше я себя разглядывала, тем больше дробились мои черты. Пара зеленых глаз отдалялась от веснушчатого носа; пара липких розовых губ разделялась и уплывала в разных направлениях. Стоило моргнуть, и все вернулось на свои места.

Я так задержалась в туалете, что впервые опоздала на литературу. Вбегая в класс, я почувствовала на себе чей-то взгляд и подумала, что на меня смотрит мистер Стрейн, но, подняв тяжелые ресницы, увидела, что это Дженни. Ее ручка застыла над тетрадью, она отмечала перемены во мне, макияж и волосы.

В тот день мы читали Эдгара Аллана По, который был столь идеально уместен, что мне хотелось рухнуть на стол и засмеяться.

– Это он женился на своей кузине? – спросил Том.

– Да, – сказал мистер Стрейн. – Строго говоря, да.

Ханна Левек наморщила нос:

– Гадость.

Мистер Стрейн не упомянул о том, что, без сомнения, вызвало бы у всех у них еще большее отвращение: Вирджиния Клемм была не только кузиной По – ей было тринадцать лет. Учитель попросил каждого из нас зачитать вслух по строфе из «Аннабель Ли», и, когда я произнесла «были оба детьми», у меня задрожал голос. Образы из «Лолиты» теснились в моей голове и перемешивались с воспоминанием о том, как мистер Стрейн прошептал: «Мы с тобой похожи», как он погладил мое колено.

Ближе к концу урока он запрокинул голову, закрыл глаза и по памяти прочитал стихотворение «Один». Когда он глубоким, протяжным голосом произнес: «Мирских начал в моих

страстях не замечал»³, это звучало как песня. Слушая его, я боролась со слезами. Как ясно я теперь его видела! Теперь я понимала, как ему, должно быть, одиноко: его желания были неправильны, нехороши, и, узнав о них, мир бы, несомненно, его опорочил.

После занятия, когда остальные разошлись, я спросила, можно ли мне закрыть дверь, и сделала это, не дожидаясь ответа. Казалось, это мой самый храбрый поступок в жизни. Он стоял у доски – рукава закатаны до локтей, в руках губка – и смотрел на меня оценивающим взглядом.

– Сегодня ты выглядишь иначе, – сказал он.

Я молча дергала рукава своего свитера и переминалась с ноги на ногу.

– За каникулы ты словно повзрослела на пять лет, – добавил он, кладя губку на место и вытирая руки. Он показал на листок бумаги у меня в руке. – Это для меня?

Я кивнула:

– Это стихотворение.

Я передала мистеру Стрейну листок, и он сразу начал читать, не поднимая глаз, даже пока шел к своему столу и сел. Не спрашивая разрешения, я пошла за ним и села рядом. Я закончила стихотворение ночью, а днем доработала, сделав более похожим на «Лолиту», более двусмысленным.

*Взмахом руки она призывает лодки из моря.
Одна за другой они соскальзывают на песчаный берег
С глухим звуком, отдающимся
В ее опустошенных костях.
Она дрожит и извивается,
Когда моряки берут ее,
А потом плачет от их заботы,
Пока моряки кормят ее кусочками соленых водорослей,
Говоря, что им жаль,
Так жаль того, что они сделали.*

Мистер Стрейн положил стихотворение на стол и откинулся на стуле, как будто желая от него отстраниться.

– Ты их никогда не называешь, – его голос доносился словно бы издалека. – Тебе надо их называть.

Прошла минута, а он все продолжал молча, не шевелясь, смотреть на листок.

В окружающей тишине меня захлестнуло мерзкое чувство, что он от меня устал и хочет, чтобы я оставила его в покое. Я зажмурилась от стыда – за то, что написала это откровенно эротическое стихотворение, думая, будто можно надеть маску и хитростью добиться желаемого, за то, что придала столько значения одолженным книгам и нескольким комплиментам. Я видела то, что хотела увидеть, убедила себя, что мои фантазии – реальность. Всклипывая, как маленькая, я прошептала:

– Извините.

– Эй, – неожиданно смягчившись, сказал он. – Эй, за что ты извиняешься?

– За то, – сказала я, втягивая в себя воздух. – За то, что я идиотка.

– Почему ты так говоришь? – Его рука обвила меня за плечи, притянула поближе. – Ты вовсе не идиотка.

В девять лет я в последний раз в жизни пыталась залезть на дерево и упала. Его объятия ощущались ровно так же, как то падение: земля взмывала мне навстречу, а не наоборот, она

---

³ Перевод В. Бойко.

словно поглощала меня в первые секунды после приземления. Мы с ним сидели так близко, что, если бы я чуть наклонила голову, моя щека прижалась бы к его плечу. Я вдыхала его шерстяной свитер, кофе и меловую крошку, которыми пахла его кожа; мой рот был всего в паре дюймов от его шеи.

Мы сидели неподвижно – его рука покоилась на моих плечах, моя голова прижималась к нему. Из коридора доносился смех, церковные колокола пробили половину часа. Мои колени прижимались к его бедру; тыльная сторона моей ладони задевала его штанину. Слабо дыша ему в шею, я мечтала, чтобы он что-нибудь сделал.

Легкое движение – его большой палец погладил меня по плечу.

Я подняла лицо, так что мои губы почти касались его шеи, и почувствовала, как он сглотнул один раз, второй. То, как он это делал, – словно заталкивал что-то внутрь себя, – придало мне храбрости прижать губы к его коже. Это был лишь полупоцелуй, но Стрейн вздрогнул, и от этой дрожи во мне начала нарастать волна.

Он поцеловал меня в затылок – его собственный полупоцелуй, – и я снова прижала губы к его шее. Наш диалог состоял из полудвижений, ни одному из нас не хватало решимости. Его рука все крепче сжимала мое плечо, и что-то начинало рваться из меня наружу. Я сдерживала себя, боясь, что брошусь на него, схвачу его за горло и все разрушу.

А потом он внезапно меня отпустил. Он отстранился, и вот мы уже сидели порознь. Его глаза моргали за линзами очков, словно приспособляясь к новому освещению.

– Мы должны поговорить об этом, – сказал он.

– Окей.

– Это серьезно.

– Я знаю.

– Мы нарушаем множество правил.

– Я *знаю*, – сказала я раздраженно. Неужели он считает, что я этого не осознаю? Что я не провела много часов, пытаюсь разобраться, насколько это серьезно?

Он недоумевающе, сурово вглядывался в меня.

– Это невероятно, – прошептал он.

На классных часах тикала маленькая стрелка. Час консультаций продолжался. Дверь была закрыта, но теоретически кто-то мог войти в любой момент.

– Итак, что именно ты хочешь сделать? – спросил он.

Это был слишком широкий вопрос. Чего хотела я, зависело от того, чего хотел он.

– Я не знаю.

Он отвернулся к окну, скрестил руки на груди. «Я не знаю» – плохой ответ. Так мог ответить ребенок, а не уверенная в своих желаниях девушка, способная принимать самостоятельные решения.

– Мне нравится быть с тобой, – сказала я. Он ждал, что я продолжу, и я, не находя слов, обвела глазами класс. – А еще мне нравится то, чем мы занимаемся.

– Что значит «чем мы занимаемся»? – Он хотел, чтобы я это произнесла, но я не знала, как это назвать.

Я показала на пространство между нашими телами.

– Это.

Слабо улыбнувшись, он сказал:

– Мне это тоже нравится. Как насчет этого? – Он наклонился и кончиками пальцев дотронулся до моего колена. – Это тебе нравится?

Он наблюдал за моим лицом, кончики его пальцев скользили по моей ноге, пока не дошли до ластовицы моих колгот. Мои ноги инстинктивно сжались, стиснув его ладонь.

– Я зашел слишком далеко, – признал он.

Я покачала головой, расслабила ноги.

– Все в порядке.

– Нет, не в порядке. – Его рука выскользнула у меня из-под юбки, и он, как вода, стек со стула на пол. Положив голову мне на колени, он сказал: – Я тебя уничтожу.

В то, что эти слова прозвучали на самом деле, поверить было труднее, чем во что-либо, случившееся раньше. Они были еще более невероятными, чем его желание поцеловать меня и его рука на моем колене. «Я тебя уничтожу». Он произнес это с явной мукой, и вдруг стало ясно, сколько он над этим думал, сколько с собой боролся. Он хотел поступить правильно, боялся причинить мне боль, но смирился с вероятностью того, что это случится.

Мои руки парили в воздухе над ним, и я изучала его вблизи: черные волосы с проседью на висках; гладкое жито его бороды, заканчивающееся чисто выбритой линией под подбородком. На его шее темнел маленький, чуть воспаленный порез, и я представила, как он стоял утром в ванной с бритвой в руке, пока я стояла босиком в своей комнате в общежитии, нанося макияж.

– Я хочу положительно повлиять на твою жизнь, – сказал он. – Хочу быть человеком, которого ты сможешь вспомнить с нежностью. Старым чудачком-учителем, который был безнадежно в тебя влюблен, но не распускал руки и, по большому счету, был хорошим мальчиком.

Под весом его тяжелой головы мои ноги начали дрожать, в подмышках и на обратной стороне коленей выступил пот. «Безнадежно влюблен». Как только он это сказал, я стала девушкой, в которую кто-то влюблен, – и не какой-нибудь тупой мальчишка моего возраста, а мужчина, который уже прожил целую жизнь, совершил и повидал так много и все равно считает, что я достойна его любви. Я чувствовала, что меня силой выталкивают за порог, выбрасывают из обычной жизни в удивительное место, где взрослые мужчины безнадежно влюбляются в меня и падают к моим ногам.

– Порой, когда ты уходишь из класса, я сижу на твоём стуле. Я кладу голову на стол, словно пытаюсь тебя вдохнуть. – Он поднял голову, потер лицо и сел на корточки. – Твою мать, что со мной не так? Мне нельзя говорить тебе такое. Из-за меня тебе будут сниться кошмары.

Он тяжело опустился обратно на стул, и я поняла, что должна предложить ему что-то, продемонстрировать, что я не боюсь. Я должна была ему соответствовать, показать, что он не одинок.

– Я все время о тебе думаю, – сказала я.

На секунду его лицо посветлело. Опомившись, он фыркнул:

– Брехня.

– Все время. Я одержима.

– В это сложно поверить. Красивые девушки не влюбляются в похотливых стариков.

– Ты не похотливый.

– Пока нет. Но еще немного – и стану.

Ему требовалось больше, так что я дала ему больше. Я сказала, что пишу свои дурацкие стихи только для того, чтобы он их прочел («Твои стихи не дурацкие, – возразил он. – Пожалуйста, не надо так их называть»), что я все каникулы на День благодарения читала «Лолиту» и чувствую, что этот роман меня изменил, что я сегодня нарядилась для него, что закрыла дверь в аудиторию, потому что хотела побыть с ним наедине.

– И я думала, что мы могли бы... – Я замолчала.

– Могли бы что?

Я закатила глаза, хихикнула.

– Ты знаешь.

– Не знаю.

Поерзав на стуле, я сказала:

– Что мы могли бы, ну не знаю, поцеловаться или вроде того.

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

Слишком стесняясь, чтобы ответить, я пожала плечами и опустила голову, так что волосы упали мне на лицо.

– Это значит «да»?

Я что-то тихо промычала из-за пелены волос.

– Тебя когда-нибудь целовали? – Он откинул мои волосы, чтобы видеть меня, и я, слишком нервничая, чтобы солгать, отрицательно покачала головой.

Он встал и запер дверь в класс, выключил свет, чтобы нас не увидели с улицы. Когда он взял мое лицо в ладони, я закрыла глаза и больше их уже не открывала. Губы у него были сухими, как задубелое под солнцем белье. Его борода оказалась мягче, чем я ожидала, но его очки делали мне больно, вонзались мне в щеки.

Один поцелуй с закрытым ртом, второй. Он промычал «хмм» и перешел к долгому поцелую с языком. Я не могла сосредоточиться на происходящем, мои мысли блуждали так далеко, что с тем же успехом могли принадлежать кому-то другому. Все это время я думала только о том, как странно, что у него есть язык.

Потом у меня застучали зубы. Я хотела быть бесстрашной, усмехнуться, сказать что-нибудь кокетливое и игривое, но меняхватило только на то, чтобы вытереть нос рукавом и прошептать:

– Я очень странно себя чувствую.

Он поцеловал меня в лоб, в виски, в подбородок.

– Надеюсь, по-хорошему странно.

Я знала, что должна сказать да, обнадежить его, не позволить усомниться в моих желаниях, но я только смотрела в никуда, пока он не наклонился и не поцеловал меня снова.

Я сидела на своем обычном месте за партой, положив ладони на столешницу, чтобы не трогать шелушащуюся кожу в уголках рта. Другие ученики входили, расстегивали куртки и доставали из рюкзаков свои экземпляры «Итана Фрома». Они не знали, что произошло, не должны были узнать никогда, но я все равно хотела закричать об этом на весь мир. А если не закричать, то вжимать ладони в поверхность стола, пока дерево не треснет и рассыпавшиеся щепки не начертаят на полу мою тайну.

На другом конце стола Том откинулся назад, сцепив руки на затылке, так что его рубашка задралась и обнажила пару дюймов живота. Стул Дженни был пуст. До того как вошел Том, Ханна Левек сказала, что они вроде как расстались. Два месяца назад эта сплетня сразила бы меня наповал. Теперь я едва обратила на нее внимание. Два месяца казались целой жизнью.

На уроке, когда мистер Стрейн рассказывал об «Итане Фроме», руки у него слегка дрожали, и он старался не смотреть в мою сторону – хотя нет, теперь нелепо было думать о нем как о «мистере». Но и называть его по имени тоже казалось неправильным. В какой-то момент он провел ладонью по лбу, сбившись с мысли, – на моей памяти такого с ним еще не случилось.

– Так, – пробормотал он. – О чем это я?

Часы над дверью отстучали две, три, четыре секунды. Ханна Левек сделала какое-то до боли банальное замечание о романе, но, вместо того чтобы ее оборвать, Стрейн сказал:

– Да, точно.

Отвернувшись к доске, он большими буквами написал: «Кто виноват?» – и в ушах у меня заревел океан.

Он говорил обо всем сюжете романа, хотя к уроку задал нам только первые пятьдесят страниц. Об обаянии юной Мэтти и моральном тупике, в который попал более взрослый, женатый Итан. Действительно ли его любовь к ней была так преступна? Он жил в одиночестве. Все, что у него было, – это больная Зина наверху.

– Люди готовы рискнуть всем ради прекрасного мгновения, – сказал Стрейн. Его голос прозвучал так искренне, что по классу пронеслись смешки.

Как же это было поразительно, хотя мне уже следовало бы привыкнуть: он мог говорить о книгах и в то же время обо мне, а окружающие ничего не замечали. Как в тот раз, когда он трогал меня под столом, а остальные исправляли свои тезисы. Все происходило прямо у них под носом. Они, видимо, слишком заурядные, чтобы что-либо разглядеть.

«Кто виноват?» Стрейн подчеркнул этот вопрос и ждал от нас ответа. Он мучился. Теперь я это видела. Дело было не в том, что его нервирует мое присутствие; он пытался понять, не поступил ли плохо. Будь я посмелее, я бы подняла руку и сказала об Итане Фроме и о нем: «Он не сделал ничего плохого». Или: «Разве нет здесь и вины Мэтти?» Но я сидела тихо, как испуганный мышонок.

После урока запись «Кто виноват?» так и осталась на доске. Остальные ученики вышли за дверь, по коридору, во двор, но я мешкала. Я застегнула молнию на рюкзаке, медленно, как ленивец, наклонилась и притворилась, что завязываю шнурки. Он не обращал на меня никакого внимания, пока коридор не опустел. Никаких свидетелей.

– Как ты? – спросил он.

Я радостно улыбнулась, подергала лямки рюкзака.

– Я в порядке.

Я знала, что нельзя допускать ни намека на тревогу, иначе он мог решить, что новых поцелуев я не вынесу.

– Я боялся, что ты в смятении, – сказал он.

– Это не так.

– Окей. – Он выдохнул. – Похоже, ты справляешься лучше меня.

Мы договорились, что я зайду попозже, после консультационного часа, когда в гуманитарном корпусе станет потише. Когда я уже переступала порог, он сказал:

– Чудесно выглядишь.

Я поневоле расплылась в улыбке. Я и правда чудесно выглядела: темно-зеленый свитер, хорошо сидящие на фигуре вельветовые брюки, волнами рассыпавшиеся по плечам волосы. Не зря я старалась.

Когда я вернулась в аудиторию, солнце уже зашло, а поскольку занавесей на окнах не было, мы выключили свет, сели за его стол и целовались в темноте.

Мисс Томпсон устроила в нашем общежитии Тайного Санту, и я вытянула бумажку с именем Дженни. По идее, я должна была бы испытать боль, однако на самом деле я почувствовала только смутное раздражение. Взяв десять долларов – установленную стоимость подарка, – я отправилась в продуктовый, купила фунт дешевого молотого кофе, а оставшиеся деньги потратила на сладости для себя. Кофе я даже не завернула; когда мы обменивались подарками, я вручила Дженни пакет из магазина.

– Что это? – спросила она.

Она впервые с прошлой весны обратилась ко мне – с тех пор, как, покидая нашу общую комнату в последний учебный день, бросила через плечо: «Ну, увидимся, наверно».

– Твой подарок.

– Ты его не упаковала? – Она открыла пакет кончиками пальцев, словно боялась того, что могло оказаться внутри.

– Это кофе, – сказала я. – Потому что ты вроде как вечно пьешь кофе.

Дженни посмотрела на кофе и так быстро заморгала, что на секунду я пришла в ужас, решив, что она расплачется.

– Вот. – Она сунула мне конверт. – Я тоже вытянула твое имя.

В конверте лежала открытка, а в ней – двадцатидолларовый подарочный сертификат на покупки в местном книжном. Я держала сертификат в одной руке, а открытку в другой, переводя глаза с одного на другое. В открытке Дженни написала: «С Рождеством, Ванесса. Знаю, мы в последнее время не общались, но надеюсь, что мы сможем восстановить нашу дружбу».

– Зачем ты это сделала? – спросила я. – Мы должны тратить только по десять долларов.

Мисс Томпсон переходила от пары к паре, комментируя каждый подарок. Дойдя до нас, она заметила красные щеки Дженни, упавшую на пол вакуумную упаковку дешевого кофе, мое виноватое лицо.

– Ммм, какой милый подарок! – воскликнула мисс Томпсон с таким энтузиазмом, что я решила, будто она говорит о подарочном сертификате. Но она имела в виду кофе. – Я всегда говорю: кофеина не бывает слишком много. Ванесса, а тебе что подарили?

Я показала ей подарочный сертификат, и мисс Томпсон натянуто улыбнулась:

– Тоже мило.

– Мне нужно делать уроки, – сказала Дженни.

Подняв кофе двумя пальцами, словно не желая прикасаться к этой гадости, она вышла из комнаты отдыха. Мне хотелось сказать что-то еще, прокричать ей вслед, что она проявила ко мне интерес только из-за того, что ее бросил Том, но уже поздно, потому что у меня теперь новая жизнь. Я теперь делаю такое, что Дженни не способна себе даже представить.

Мисс Томпсон повернулась ко мне:

– Ванесса, по-моему, это прекрасный подарок. Дело вовсе не в том, сколько денег тратишь.

Тут до меня дошло, почему она такая милая, – думает, будто я настолько бедна, что могу позволить себе только трехдолларовую пачку кофе. Это предположение было одновременно смешно и оскорбительно, но я не стала ничего объяснять.

– Мисс Томпсон, что вы делаете на Рождество? – спросила Дина.

– Съезжу домой в Нью-Джерси, – ответила та. – Может, скатаюсь в Вермонт с друзьями.

– А как же ваш парень? – спросила Люси.

– Не могу похвастать его наличием. – Мисс Томпсон отошла, чтобы рассмотреть другие подарки Тайного Санты. Я смотрела, как она сцепила руки за спиной и притворилась, будто не слышит, как Дина прошептала Люси: «Я думала, мистер Стрейн – ее парень?»

Как-то днем Стрейн рассказал мне, что мое имя придумал ирландский писатель Джона-тан Свифт. Он был знаком с женщиной по имени Эстер Ваномри. Прозвище у нее было Эсса.

– Он разъял ее имя на части и сложил их по-другому, – сказал Стрейн. – Ван-эсса стала Ванессой. Тобой.

Я не говорила этого, но иногда чувствовала, что именно так он поступает со мной – разнимает на части и складывает их по-другому.

Стрейн рассказал, что первая Ванесса была влюблена в Свифта, который был старше ее на двадцать два года. Он был ее преподавателем. Потом Стрейн подошел к стеллажу за своим столом и отыскал поэму Свифта «Каденус и Ванесса». Она была длинной, в шестьдесят страниц, а рассказывалось в ней о молодой девушке, влюбленной в своего учителя. Когда я пробежала поэму глазами, у меня быстро заколотилось сердце, но, чувствуя на себе его взгляд, я постаралась не выдать себя, пожала плечами и самым равнодушным тоном сказала:

– Наверное, это забавно.

Стрейн нахмурился.

– Мне это показалось зловещим, а не забавным. – Поставив книгу обратно на полку, он пробормотал: – Это меня пробрало. Заставило задуматься о судьбе.

Я смотрела, как он садится за свой стол и открывает учительский журнал. У него покраснели кончики ушей, как будто он смутился. Неужели я могла его смутить? Иногда я забывала, что он тоже может быть ранимым.

– Я понимаю, о чем ты, – сказала я.

Он поднял взгляд. В его очках отражались блики.

– Я вроде как чувствую, что все это предreshено.

– Все это, – повторил он. – Ты имеешь в виду то, чем мы с тобой занимаемся?

Я кивнула:

– Как будто я для этого создана, что ли.

При этих словах его губы начали подрагивать, словно он изо всех сил старался сдержать улыбку.

– Иди закрой дверь, – сказал он. – Выключи свет.

В воскресенье перед рождественскими каникулами я позвонила домой по платному телефону в комнате отдыха «Гулда», и мама сказала, что ей придется забрать меня во вторник вместо среды. Это означало лишний день каникул – лишний день без Стрейна. Мне и без того сложно было проводить без него выходные; я не знала, как выживу три недели, так что от этой новости у меня словно земля разверзлась под ногами.

– Ты меня даже не спросила! Нельзя просто взять и решить забрать меня на целый день раньше, даже не спросив. – Моя паника набирала обороты, и я с трудом сдерживала слезы. – У меня есть обязанности. *Важные дела.*

– Какие дела? – спросила мама. – Господи, чего ты так расстроилась? В чем проблема?

Прижавшись лбом к стене, я перевела дыхание и выдавила:

– Я не могу пропустить встречу клуба писательского мастерства.

– Ах, это. – Мама выдохнула, как будто ожидала чего-то посерьезнее. – Ну, я приеду только после шести. Успеешь сходить на свою встречу.

Она что-то надкусила и захрустела, пережевывая. Меня бесило, что во время наших разговоров она ест, прибирается или одновременно переговаривается с папой. Иногда она брала трубку с собой в туалет, и я понимала это, только когда слышала шум слива.

– Не знала, что тебе так нравится этот клуб, – сказала она.

Я вытерла нос грязным рукавом толстовки.

– При чем тут нравится или не нравится. Я должна серьезно относиться к своим обязанностям.

– Хмм. – Мама снова что-то откусила, и оно снова захрустело у нее на зубах.

В понедельник, когда мы со Стрейном сидели в темной аудитории, я не позволяла ему себя поцеловать. Я отворачивалась и отодвигала от него ноги.

– Что не так? – спросил он.

Не зная, как объяснить, я покачала головой. Казалось, его приближающиеся каникулы совсем не беспокоят. Он о них даже не упоминал.

– Если не хочешь, чтобы я тебя трогал, я не обижусь, – сказал он. – Просто скажи, чтобы я перестал.

Он наклонился ко мне, посмотрел мне в лицо, пытаясь разглядеть его выражение в потемках. Я видела, как поблескивают его глаза, потому что он был без очков, – с тех пор как я сказала, что они вонзаются мне в лицо, он снимал их перед поцелуями.

– Как бы мне этого ни хотелось, я не умею читать твои мысли, – сказал он.

Он прикоснулся к моим коленям кончиками пальцев, ожидая, не шарханусь ли я в сторону. Я не пошевелилась, и тогда его ладони прокрались выше по моим ногам, по бедрам, легли мне на талию. Колесики стула скрипнули, когда он привлек меня к себе. Я вздохнула, прижалась к нему. Его тело походило на гору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.